

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)



MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXII, 2019, № 1

Выходит 2 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: Федеральное государственное учреждение науки
«Институт восточных рукописей РАН»

**Посвящается 120-летию со дня рождения монголоведа
Л. С. Пучковского**

191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18
Тел.: (812) 315-87-28
orientalstudies.ru
mongolica@orientalstudies.ru

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь,*
кандидат филологических наук (Россия)
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Биргалан, *доктор наук (Венгрия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чешская Республика)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Л. Г. Скородумова, *доктор филологических наук (Россия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук,*
профессор (Россия)
С. Чулуун, *доктор исторических наук,*
профессор (Монголия)
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Формат 60x90 1/8. Объем 13¹/₄ печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»
Санкт-Петербург, 4-я линия В. О., д. 5 e-mail: editor@isvoe.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/vbpx-hh10

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский музей), 2019

М. И. Тубянский

Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода

Предисловие, подготовка переиздания, примечания, приложение
Т. В. Ермаковой и Е. П. Островской

DOI 10.25882/9a5m-a892; © Т. В. Ермакова, Е. П. Островская, 2019

Вниманию читателя предлагается переиздание одной из лучших монголоведческих работ ученого-востоковеда широкого профиля Михаила Израилевича Тубянского (1893–1937), чья научная деятельность с 1927 по 1936 г. протекала в МНР. В этой работе сформулированы методологические вопросы развития монгольского литературоведения, проанализирован состав дореволюционного литературного наследия и дана его классификация, впервые выстроенная в соответствии с системой монгольской культуры. М. И. Тубянский показал, что в феодальный период монгольскими авторами была создана крупная литература на тибетском языке, занимавшая положение национальной литературной традиции и пользовавшаяся известностью в Центральной Азии. Работа была написана в качестве критического отклика на статью члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Поппе «Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы», опубликованную в третьем номере журнала «Современная Монголия» за 1935 г., и вышла в свет в том же журнале с пометкой от редакции: «Печатается в дискуссионном порядке». В дальнейшем она неоднократно характеризовалась авторитетными филологами-монголистами как обладающая значительной научной ценностью, но по политическим причинам оказалась на многие десятилетия фактически выведенной из научного оборота. Настоящая публикация подготовлена по изданию: *Тубянский М. И. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. 1935. № 5 (12). С. 7–31.*

Ключевые слова: Монголия, МНР, монгольская литература дореволюционного периода, М. И. Тубянский, Н. Н. Поппе, журнал «Современная Монголия», теоретические проблемы монгольского литературоведения.

Публикуемая ниже статья открывает перед читателем панораму теоретических проблем, возникающих при изучении дореволюционного литературного наследия Монголии. Эти проблемы были выдвинуты на передний план в ходе научной дискуссии в середине 1930-х гг. и во многом не утратили своей значимости в современном монголоведении. Автор статьи, Михаил Израилевич Тубянский (1893–1937), вошел в историю российской науки о Востоке как разносторонний филолог-литературовед. Будучи учеником акад. Ф. И. Щербатского (1866–1942), он профессионально владел санскритом и тибетским языком и в качестве штатного сотрудника Азиатского Музея АН СССР занимался в 1920-х гг. текстологическим исследованием одного из раннесредневековых буддийских трактатов по науке логики [Тубянский, 1926. С. 875–982; Островская, 2012. С. 49–51]. Однако Ф. И. Щербатский привил своему ученику интерес не только к буддийской философской литературе, но и к процессу обновления культуры и ли-

тературных традиций, протекавшему в Индии в связи с подъемом национального самосознания. М. И. Тубянский, талантливый полиглот, уже в студенческие годы самостоятельно освоил бенгальский язык, чтобы в подлиннике ознакомиться с произведениями лауреата Нобелевской премии по литературе Рабиндраната Тагора. В период работы в Азиатском Музее он сумел внести немалый вклад в зарождение российской бенгалистики, ведя параллельно преподавательскую деятельность в Ленинградском институте живых восточных языков [Кононов, Иориш, 1977. С. 24, 29, 30, 35, 57]. Им была разработана авторская методика обучения бенгальскому языку и подготовлена хрестоматия по бенгальской литературе [Тубянский, 1923]. Заметный вклад М. И. Тубянский внес в изучение мировоззрения Тагора [Гнатюк-Данильчук, 1990. С. 216–230] и в подготовку семитомного собрания сочинений писателя, изданного в Ленинграде в 1924–1927 гг. В состав этого издания вошли переводы прозы, поэзии и мемуаров Тагора, выполнен-

ные М. И. Тубянским. Он же являлся редактором-составителем семитомника и автором примечаний к публикуемым произведениям.

Острый интерес к теоретическим проблемам литературоведения привел М. И. Тубянского в середине 1920-х гг. в круг литературоведа, культуролога и философа М. М. Бахтина — внеформальное сообщество единомышленников, увлеченных поиском новых методологических подходов к исследованию письменной и устной литературы [Медведева, Медведев, 2016. С. 202–215]. На семинарах, проходивших в домашней обстановке, на квартире известной пианистки М. В. Юдиной, новаторские идеи вырабатывались коллективно, в специфичной для круга М. М. Бахтина диалоговой форме. Такие творческие собеседования способствовали раскрепощению интеллектуальной активности участников и взаимному обогащению их научной эрудиции. М. И. Тубянский в порядке экспериментального освоения психоаналитического метода интерпретации мифологических сюжетов, обсуждавшегося на нескольких семинарах, выполнил исследование одного из древнеиндийских мифов [Тубянский, 1927. С. 60–70]. Но главный итог его участия в бахтинских семинарах заключался не в этом оригинальном литературоведческом эксперименте, а в овладении искусством выявления многомерных («полифонических» в терминологии Бахтина) взаимосвязей национальной литературы с той системой культуры, в которой она исторически развивается. М. И. Тубянский окончательно убедился в методологической необходимости руководствоваться в изучении истории литературы принципом взаимодополняемости различных областей социогуманитарного знания, образующих смысловой контекст историко-литературного процесса.

Культура как объект комплексных исследований вошла в поле внимания М. И. Тубянского и по линии его академической деятельности, поскольку в 1927 г. непреходящий секретарь АН СССР акад. С. Ф. Ольденбург (1863–1934), пребывавший одновременно и на посту директора Азиатского Музея, замыслил создать новую научно-исследовательскую организацию — Институт буддийской культуры (далее: ИНБУК). К составлению обоснования этой инициативы и проекта устава ИНБУКа С. Ф. Ольденбург привлек не только лидера российской буддологической школы Ф. И. Щербатского, но и М. И. Тубянского, которого ценил как исключительно эрудированного и высокомотивированного молодого ученого [Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927. С. 1701–1704; Ермакова, 2011. С. 202–209].

В числе направлений деятельности ИНБУКа, предусмотренных в проекте устава, значилось развертывание экспедиционных исследований в ареалах укоренения буддийской культуры. Предполагалось, в частности, что в ходе экспедиций будет производиться ознакомление с буддийской литературой, зафиксированной в живой традиции религиозного образования. Такая литература особенно интересовала С. Ф. Ольденбурга как редактора научно-издатель-

ской серии «Bibliotheca Buddhica», поскольку ее функционирование в системе подготовки ученого духовенства обеспечивало воспроизведение буддийского мировоззрения и именно такие произведения следовало в первую очередь готовить к изданию в серии. В том же, 1927 г. было сочтено целесообразным, не дожидаясь официального открытия ИНБУКа, направить М. И. Тубянского на год в МНР для изучения старой и новой тибетской литературы, используемой в местных духовных училищах, и методов преподавания там религиозно-философских дисциплин.

Организовать подобную научную командировку непосредственно в Тибет возможности не было, так как в то время тибетская государственная администрация запрещала въезд в страну европейцев. Но и Монголия вполне подходила для осуществления поставленных задач — в интеллектуальной культуре монгольских монастырей господствовала тибетская книжность и — основным лингвистическим средством буддийской учености выступал тибетский язык. А кроме того, традиционные контакты монгольского духовенства с Тибетом не прерывались и после провозглашения МНР (1924). М. И. Тубянский давно помышлял о перспективе такой поездки и готовился к ней. Пользуясь консультациями акад. Б. Я. Владимирцова (1884–1931), он освоил халхаское наречие и монгольский литературный язык, а также обогатился необходимыми познаниями в области монголоведения. Однако, отправляясь в Улан-Батор, он не мог предвидеть, что его пребывание в Монголии затянется на девять лет, а учрежденный весной 1928 г. ИНБУК будет в 1930 г. упразднен в связи с реформированием академических востоковедных организаций и образованием в Ленинграде крупного научно-исследовательского концерна — Института востоковедения АН СССР.

В Монголии первоначальной базой исследований М. И. Тубянского был столичный монастырь-университет Гандан. Ему удалось сблизиться со священноначалием этой прославленной обители, продемонстрировав свое знание буддизма, и установить контакты с преподавателями религиозно-философских дисциплин. В обмен на консультации по вопросам буддийской философии и методам преподавания он выразил готовность стать непосредственным участником образовательного процесса — вести курс санскрита. За основу курса он взял учебник Г. Бюлера, а занятия проводил на тибетском языке. Обо всем этом он 29 сентября 1928 г. сообщил в отчетном письме Ф. И. Щербатскому как научному куратору экспедиции и просил его ходатайствовать перед Комиссией экспедиционных исследований АН СССР о продлении командировки еще на один год [СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 19–23]. Но и по истечении этого срока М. И. Тубянский не считал свои исследования завершенными и остался в Монголии, но уже не в качестве командированного ученого, а как научный консультант Полпредства СССР.

Трудно сказать, действительно ли желание продолжить свои исследования было единственным мотивом, тормозившим его возвращение в Ленинград. Возможно предположить, что М. И. Тубянский знал о начатом в 1929 г. следствии по так называемому «академическому делу», об арестах научных работников и сотрудников Архива Академии, о смещении С. Ф. Ольденбурга с должности неперменного секретаря АН СССР и предпочел дистанцироваться от этих событий. Но никакими документированными сведениями, которые подтверждали бы подобное предположение, мы не располагаем. В автобиографии, написанной М. И. Тубянским в апреле 1937 г. при зачислении в штат Института востоковедения, ученый сообщал, что получил предложение от Полпредства СССР задержаться в стране для консультирования советских дипломатов по вопросам монголоведения и тибетологии и для участия в работе Ученого комитета МНР [Личное дело Тубянского М. И. — СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610. Л. 6].

Организация, называемая в российских работах по истории монголоведения «Ученым комитетом» (сокр.: Учком), или «Научно-исследовательским комитетом» (сокр.: НИК), была создана в 1921 г. как первое научно-исследовательское учреждение Монголии Судар бичийн хурээлэн (в переводе с монгольского: «Комитет книг и рукописей»). В 1930 г., когда М. И. Тубянский был назначен на должность ученого секретаря этого учреждения, оно в связи с расширением круга своих задач стало называться Шинжлэх ухааны хурээлэн (в традиционном переводе на русский язык — «Комитет наук»). Спустя три десятилетия, в 1961 г., на его базе была образована Академия наук МНР.

Пребывая в указанной должности с 1930 по 1936 г., М. И. Тубянский совмещал научно-организационную работу с продолжением собственных исследований и существенно расширил их тематику. Его глубоко заинтересовали теоретические проблемы развития монгольского литературоведения и дореволюционное литературное наследие. В качестве автора научных публикаций он сотрудничал с политико-экономическим журналом «Современная Монголия», учрежденным при Полпредстве СССР. Этот журнал предназначался преимущественно для служебного пользования, печатался в Улан-Баторе, в Русской типографии, сравнительно небольшим тиражом и поступал в СССР в очень незначительном количестве экземпляров. (Он выходил в свет с 1933 по 1936 г. и с 1938 по 1940 г.) В настоящее время «Современная Монголия» относится к разряду редких периодических изданий.

Литературоведческие исследования М. И. Тубянского приобрели особую актуальность в связи с задачами развития монгольской национальной культуры, языка и литературы, поставленными на IX съезде МНРП, проходившем осенью 1934 г. В среде советских ученых-монголоведов и прежде всего сотрудников Института востоковедения АН СССР эта ди-

ректива МНРП вызвала живой отклик. Молодой член-корреспондент Академии наук Николай Николаевич Поппе (1897–1991), претендовавший после кончины Б. Я. Владимирцова на научное лидерство в российском монголоведении, выступил на страницах «Современной Монголии» с программной статьей «Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы» [Поппе, 1935б. С. 3–12]. Критическим ответом на нее и стала работа М. И. Тубянского «Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода», опубликованная в том же журнале с пометкой от редакции: «Печатается в дискуссионном порядке» [Тубянский, 1935. С. 7–31].

Не предвосхищая знакомства читателя с содержанием этой интереснейшей работы, отметим лишь некоторые моменты, контекстуально важные для понимания ее идейной направленности. Перечень вопросов, которые М. И. Тубянский полагал необходимым обсудить в связи с поставленными на IX съезде МНРП задачами, он вынес в начало своей статьи в качестве своеобразного оглавления и далее каждому из них посвятил отдельный одноименный параграф. В перспективе нового культурного строительства, развертывавшегося в МНР, ученый стремился акцентировать ценность литературы, созданной в течение многовекового дореволюционного периода. Дореволюционная литература, подчеркивал М. И. Тубянский, ценна именно тем, что она является литературой монгольского народа, исторического творца своей национальной культуры, и поэтому развитие литературы должно опираться на творческое освоение этого национального достояния, а не начинаться как бы с чистого листа.

Учитывая разработанные в науке типологические представления о средневековой литературе, он утверждал, что предмет монгольского литературоведения не может ограничиваться только художественной словесностью, а должен охватывать письменное наследие целиком. Он считал такой подход методологически правомерным, поскольку в средневековых трактатах по различным отраслям знания не наблюдается того полного отрыва от художественной словесности, который характерен для современной специальной литературы.

М. И. Тубянский вслед за Б. Я. Владимирцовым обратил пристальное внимание на роль тибетского языка, занявшего в монгольском феодальном обществе положение второго литературного языка. Он показал, что в феодальный период монгольскими авторами была создана значительная религиозно-философская литература на тибетском языке, получившая известность в Центральной Азии и пользующаяся признанием в Тибете. Указывая на такие ее признаки, как отчетливо выявленное и датированное авторство, наличие преемственности и идейной полемики, ученый констатировал, что фактически она выдвинулась в тот исторический период на позиции национальной литературной традиции.

В этой связи следует сказать, что М. И. Тубянский был хорошо осведомлен о развернувшейся в СССР борьбе с религией. В Институте востоковедения проблематика истории буддийской философской мысли неуклонно вытеснялась из научно-исследовательских программ. Но ученый не намеревался расставаться с буддологией по возвращении на родину и собирался продолжить это направление исследований, замаскировав его тематически под изучение древнеиндийского материализма по тибетоязычным источникам. Такой разворот тематики становится понятным, если не упускать из виду тот культурно-исторический факт, что сведения о воззрениях школ индийского материализма сохранились преимущественно в буддийских трактатах. Индийские, а позднее тибетские и монгольские мыслители-буддисты в своих произведениях подвергали всесторонней критике взгляды материалистов, и М. И. Тубянский планировал положить в основу своей кандидатской диссертации еще не известные мировой науке трактаты монгольских авторов, написанные на тибетском языке [Воробьева-Десятковская, Савицкий, 1972. С. 163–164]. Именно с таким прицелом он особенно кропотливо изучил эту религиозно-философскую часть дореволюционного литературного наследия Монголии.

В статье М. И. Тубянского значительное место уделено классификационному описанию дореволюционной литературы. Впервые в истории монголоведения он классифицировал весь массив монгольской литературы, включая переводную, по отраслям, образующим в совокупности систему национальной культуры. Цель такой классификации состояла в том, чтобы продемонстрировать исторический потенциал и возможные тенденции развития литературного процесса в условиях нового культурного строительства.

Однако, несмотря на свои теоретико-методологические достоинства и богатое содержание, эта работа М. И. Тубянского вскоре оказалась выведенной из научного оборота. Первоначальной причиной ее забвения стал арест ученого, последовавший 18 августа 1937 г., когда он уже являлся штатным сотрудником индо-тибетского кабинета Института востоковедения. В течение долгого времени научной общественности не было известно, что он приговорен к

высшей мере наказания по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии и 24 ноября того же года расстрелян. Ф. И. Щербатской, заведовавший индо-тибетским кабинетом, в феврале 1940 г. обратился к вице-президенту Академии наук Г. М. Кржижановскому с письменной просьбой способствовать возвращению его репрессированных учеников, в том числе М. И. Тубянского, к научной работе, так как надеялся, что они пребывают в ссылке [Вигасин, 2008. С. 266–267].

Но и посмертная реабилитация ученого, состоявшаяся в 1957 г. [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610. Л. 11], не привела к возобновлению научного внимания к «Некоторым проблемам монгольской литературы дореволюционного периода». Теперь уже советские ученые воздерживались от упоминания этой работы в своих исследованиях из-за того, что в ней велась полемика с Н. Н. Поппе. Имя Н. Н. Поппе было опозорено добровольным переходом ученого на сторону немецко-фашистских захватчиков в 1942 г. По результатам расследования его коллаборационистской деятельности Н. Н. Поппе, бежавший после падения Третьего рейха в США, был в 1949 г. заочно лишен звания члена-корреспондента АН СССР.

Попытку вернуть статью М. И. Тубянского из долгих лет забвения впервые предпринял И. И. Иориш, охарактеризовавший ее как не утратившую своей научной ценности [Иориш, 1972. С. 227]. Ее нынешнее переиздание направлено прежде всего на ознакомление молодого поколения ученых-монголоведов с историческими путями развития литературоведения как области монголистики в первой трети XX в.

При подготовке текста статьи к переизданию мы провели сверку ссылочного аппарата и в квадратных скобках указали (в форме полужирного) работы, на которые ссылается автор. Это было необходимо, так как М. И. Тубянский не заботился об унификации библиографических описаний и в отдельных случаях допускал ошибки в названиях сочинений и указании страниц. В качестве приложения к публикации мы приводим список использованной автором литературы, показывающий широту его эрудированности. Наши примечания к статье обозначены астерисками и даны постранично.

М. И. Тубянский *

Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода

1. Общие вопросы. — § 1: Неизученность монгольской литературы. — § 2: Вспомогательные дисциплины. — § 3: Оценки монгольской литературы. — § 4: Литература и письменность. — § 5: Проблема переводной литературы. — § 6: Проблема истории культуры. — § 7: Вопрос о племенных литературах. — § 8: Самостоятельная монгольская литерату-

ра. — § 9: Личная и безличная литература. — § 10: Социальная борьба в монгольской литературе.

2. Состав монгольской литературы. — § 11: Классификация монгольской литературы. — § 12: Литература по экономике. — § 13: Политика и публицистика. — § 14: Ганчжур и Данчжур. — § 15: Литература по религии. — § 16: Литература по языкозна-

* В публикуемой статье сохранены стиль, орфография и пунктуация автора.

нию. — § 17: Литература по медицине и ветеринарии. — § 18: Литература по технике. — § 19: Юридическая литература — § 20: Астрология и астрономия. — § 21: Историческая литература. — § 22: Художественная литература. — § 23: Очередные задачи монгольского литературоведения.

§ 1. Неизученность монгольской литературы

В 1880 г. известный монголовед А. Позднеев писал: «Литература монголов для нас положительно не известна»¹. В 1907 г. венгерско-американский востоковед В. Лауфер (умерший в 1934 г.) констатирует, что история монгольской литературы еще не может быть написана, так как для этого отсутствуют сколько-нибудь основательные подготовительные работы². Наконец в 1935 г. советский монголовед проф. Н. Поппе указывает, что в области монгольских литератур мы до сих пор не имеем ни одного литературоведного исследования³. Если считать, что первые статьи о монгольской литературе появились в Европе более 100 лет тому назад⁴, то надо подчеркнуть удивительную медленность и непродуктивность европейского востоковедения в этом отношении, особенно если сравнить степень изученности монгольской литературы с рядом других литератур Востока, как то: китайской, индийской, арабской, турецкой и др.

До настоящего времени сводных обзоров монгольской литературы имеется всего два: 1) литографированные лекции А. Позднеева (1896/97)* и 2) цитированная выше книга Б. Лауфера. Но ни та, ни другая не являются историями монгольской литературы, а преимущественно — обзорами существующей европейской литературы на эту тему⁵, те же многочисленные статьи и работы, которые в них перечисляются, сами по себе, не говоря уже о случайности и ограниченности их тематики, в значительной своей части отнюдь не удовлетворяют научным требованиям, которые должны быть к ним предъявлены.

¹ «Образцы народной литературы монгольских племен» 1880, с. 48. (См.: [Позднеев, 1880].)

² «Skizze der mongolischen Literatur» в венгерском журнале «Keleti Szemle» («Восточное обозрение») за 1907 г.; русский перевод: Ленинград, 1927, с. 1. (См.: [Laufer, 1907; Лауфер, 1927].)

³ «Проблемы бурят-монгольского литературоведения» в Записках Института востоковедения Академии наук. Вып. 111 (1935), с. 13. — В своей статье о монгольской литературе в № 3 (10) «Современной Монголии» проф. Поппе говорит о «необщезвестности» (с. 3) монгольской литературы, но это уже значительное смягчение действительного положения дела. (См.: [Поппе, 1935а; 1935б].)

⁴ Если вести счет от работ Палласа (конец XVIII века). (См.: [Pallas, 1776; 1801; Паллас, 1787–1789].)

⁵ См. замечания Владимирцова и Лауфера в указанном русском издании книги Лауфера, с. I и 1. (См.: [Лауфер, 1927].)

Одним из главных препятствий к надлежащему изучению монгольской литературы было отсутствие в самой Монголии литературного и литературоведческого центра и даже отсутствие в ней достаточного интереса к родной литературе вплоть до XX в., когда появились — сначала у бурят — выдающиеся собиратели монгольского фольклора в лице Ц. Ж. Жамцарано и др. Он же основал первое в МНР национальное научно-исследовательское учреждение — Ученый комитет (1921) — и богатейшее собрание монгольской литературы в составе библиотеки Ученого комитета (НИКа). В других странах собрание памятников монгольской литературы произошло уже давно, особенно в течение всего XIX в. — в Петербурге, а именно в б. Азиатском Музее (ныне — Институт востоковедения) Академии наук (совр. Институт восточных рукописей РАН. — Т. Е., Е. О.) и в университетской библиотеке, но, к сожалению, несмотря на наличие значительных монголоведческих сил в этих учреждениях, как указывал еще в 1927 г. акад. Б. Я. Владимирцов⁶, и еще и доньше (1935) каталоги этих крупнейших мировых коллекций пока не изданы. Точно так же не издан и каталог библиотеки НИКа МНР.

§ 2. Вспомогательные дисциплины

Таким образом, мы приходим к выводу, что прежде всего *отсутствует научная библиография* монгольской литературы. По справедливому замечанию Лауфера, «существует еще много неподобранных сокровищ» монгольской литературы⁷, но если к тому же еще не приведены в известность даже те, которые так или иначе «подобраны», какое же возможно литературоведение?⁸ Ведь библиография представляет собственно первую ступень научного литературоведения, элементарнейшую его вспомогательную дисциплину.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что плохо обстоит дело и с другими вспомогательными дисциплинами *монгольского литературоведения*⁹. Сравнительно лучше разработано доньше *монгольское языкознание*¹⁰, хотя и в нем немало пробелов, хорошо известных каждому монголоведу. Но гораздо ху-

⁶ См. написанное им предисловие к вышеназванной книге Лауфера, с. 1. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁷ Лауфер. С. 1. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁸ По имеющимся сведениям, Институт востоковедения Академии наук теперь готовит к печати частичный каталог своих коллекций. (См.: [Жамцарано, 1936].)

⁹ О вспомогательных дисциплинах литературоведения см. соответствующий раздел статьи И. Нусинова**** «Литературоведение» в Литературной энциклопедии. Том VI (1932), стб. 477 и след.

¹⁰ Особенно после появления (уже в XX в.) превосходных работ Рамстедта, Владимирцова, Смедта, Мостарта и (весьма неравноценных между собою) работ проф. Поппе. (См.: [Рамстедт, 1908; Smedt et Mostaert, 1933; Владимирцов, 1924; 1929; Поппе, 1934; 1935а; 1935б].)

же дело обстоит с *историей монголов*, несмотря на наличие громадного количества отдельных разработок. Наиболее крупная сводка по монгольской истории — Грум-Гржимайло¹¹ — отнюдь не может считаться научным трудом. Громадное значение имеет посмертная работа акад. Владимирцова¹², но это — лишь блестящее начало, своего рода введение в ненаписанную монгольскую историю, а самой истории — даже хотя бы научных обработок отдельных крупных эпох монгольской истории — все еще нет. Крупным шагом в смысле подготовки материалов будет ожидаемое от проф. Пеллио издание монгольского «Сокровенного сказания»**, затем предпринимаемый Институтом востоковедения новый перевод Рашид-ад-Дина***; но зато изумительно богатые китайские источники по монгольской истории доныне очень мало затронуты¹³; мало использованы и тибетские источники¹⁴, точно так же почти не затронуты и *монгольские архивы*.

§ 3. Оценки монгольской литературы

Но, помимо указанных препятствий, путь к монгольскому литературоведению преграждала и преграждает неразработанность и запутанность ряда принципиальных *методологических* вопросов и сбивчивость предварительных ориентировок и оценок.

При подходе к изучению монгольской литературы некоторые авторы задают себе такие вопросы: велика ли она? ценна ли она? стоит ли ее изучать? — и т. д. На эти вопросы мы встречаем разные ответы. Так, например, в одной из своих статей проф. Поппе пишет: «Письменная монгольская литература *очень невелика*» (курсив наш. — М. Т.)¹⁵, тогда как в другой статье того же автора мы читаем: «На письменном монгольском языке существует *богатая* (курсив наш. — М. Т.) литература. Ее очень мало знают и потому часто приходится слышать о бедности ее»¹⁶. В данном случае приходится допустить, что автор за 1 год, протекший между двумя своими статьями, резко изменил свое мнение. Но в обоих случаях эти суждения высказаны им совершенно некритически, так как он не указывает никакого масштаба для «измерения» литературного богатства и нельзя также считать, что этот масштаб самоочевиден. Вопрос поставлен неправильно, «измерения» подобного рода могут быть даны только конкретно. Незачем сравни-

вать монгольскую литературу, например, с английской или с китайской; надо учесть количество самих монголов, кочевой образ жизни, отчасти препятствующий развитию книжности, гнет феодализма, вызывающий безграмотность, и т. д.; сопоставить состав монгольской письменной литературы с литературой других кочевых народов и т. д. и тогда уже говорить о количественной оценке.

На вопросе о ценности монгольской литературы останавливается не раз Лауфер. Так, по его словам, литература северного буддизма может по монгольским источникам изучаться с тою же пользой, как и по китайским источникам¹⁷. Это утверждение в такой форме неправильно: несмотря на то, что индийский буддийский канон переведен на монгольский язык, он переведен не с санскрита (как китайский и тибетский каноны), а с тибетского, т. е. представляет собою «пере-перевод», и потому может быть, в смысле изучения буддизма, в лучшем случае лишь филологическим пособием для изучения тибетского канона. Но Лауфер почему-то и вообще не указывает на крупное значение монгольских переводов с тибетского языка для изучения тибетского языка и литературы¹⁸. Далее, монгольская литература ценна, по его словам, потому, что монголы были посредниками в распространении литературных сюжетов между Западом и Востоком, в особенности же — эпоса¹⁹. При этом он имеет в виду работы Потанина²⁰ и т. п. Наконец, Лауфер указывает еще и на то, что изучение монгольской литературы рассеивает историческое представление о монголах как о варварах и тем самым «приближает этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам»²¹. Это последнее соображение, красноречиво развитое Лауфером в самом конце его книги²², и все другие его доводы,

¹⁷ Указ. соч. С. 66. (См.: [Лауфер, 1927].)

¹⁸ Хотя в своей статье о маньчжурской литературе Лауфер и говорит о филологическом значении маньчжурских переводов для китаистов («Keleti Szemle», 1908, с. 11). (См.: [Laufer, 1908].)

¹⁹ Указ. соч. С. 93–94. (См.: [Лауфер, 1927].)

²⁰ Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, 1899. (См.: [Потанин, 1899].)

²¹ Указ. соч. С. 95. (См.: [Лауфер, 1927].)

²² Лауфер пишет (с. 94–95): «Мировое историческое значение монголов настолько велико, что нас должно живейшим образом интересоваться все касающееся духовной жизни народа, который некогда смог потрясти всю Европу, а ее королей и пап вовлечь в сферу своего влияния. В истории нашего отечества они заклеяны именами варварских орд, на школьной скамье они выставляются нам чернее китайской туши и предтечами пресловутой желтой опасности. Тем более обязана наука выступить против такого странного определения и приблизить этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам. В своих песнях он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к родине, к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к жене. Мы познаем общечеловеческие и вместе с тем благородные и рыцар-

¹¹ Западная Монголия и Урянхайский край. Том II. 1926. (См.: [Грум-Гржимайло, 1926].)

¹² История общественного строя монголов****, 1934.

¹³ См. указания у Владимирцова, указ. соч., с. 8. (См.: [Владимирцов, 1934].)

¹⁴ Там же. С. 19. (См.: [Владимирцов, 1934].)

¹⁵ См. статью проф. Поппе «Монгольская литература» в Литературной энциклопедии, т. VII (1934), стб. 446–451. (См.: [Поппе, 1934].)

¹⁶ Статья проф. Поппе о монгольской литературе в журн. «Современная Монголия», № 3 (10) за 1935 г., с. 6. (См.: [Поппе, 1935].)

как и большинства других авторов, писавших до 1911 г., имеют все же исключительно отвлеченный характер. Главное значение монгольской литературы — в ее неизменной роли, в том, что она есть литература монгольского народа, который, вопреки всем приговорам «знатных иностранцев», возрождается к новой исторической жизни; что он при этом в своем культурном строительстве начинает не с пустого места, а с критического освоения своего культурного наследия, и что поэтому монгольская литература, завещанная историей, не есть нечто застывшее, — она переоценивается в жизненном процессе; ее интерес для всего культурного человечества неотделим от ее возрождения и обновления творческими силами монгольской революции.

§ 4. Литература и письменность

Проф. Н. Н. Поппе в своей статье «Проблемы бурят-монгольского литературоведения» видит один из двух серьезных недочетов прежних работ по монгольской литературе «в подмене литературы письменностью в широком смысле этого слова и в непонимании задач литературоведения как науки, имеющей своим объектом лишь художественные произведения»²³. По его словам, предыдущие авторы (кроме Владимирцова) не делали никакой разницы между дипломатической перепиской, эпиграфикой и т. д., с одной стороны, и художественными произведениями — с другой. Объектом литературоведения, по словам проф. Поппе, «должны быть безусловно (курсив наш. — М. Т.) только художественные произведения, только художественная литература в целом, а философская, медицинская литература, сборники законов и т. д. должны быть предметом истории монгольской науки, правоведения и т. д.»²⁴. Выставив такой принцип, проф. Поппе сам же, однако, отклоняется от него в той же статье. Так, он в состав бурятской литературы включает помимо былин и легенд и т. д. также не относящиеся к художественным сочинения по истории и географии²⁵. По его словам, изучение исторических сочинений «является, конечно, не столько задачей литературоведа, сколько историка... хотя их блестящий стиль, образный, очень четкий и строгий язык делают их близкими литературоведу»²⁶, а географические сочинения «безусловно, имеют право быть отнесенными, хотя бы отчасти, к художественной литературе», так как содержат много личного и субъективного и изобилуют безусловно художественными описаниями²⁷. Точно

так же в своей вышеуказанной статье в «Современной Монголии» проф. Поппе в составе оригинальной старой монгольской литературы на первом месте называет исторические и географические сочинения²⁸, а художественные как таковые трактует *отдельно*²⁹. Таким образом, почему-то соблюдение вышеприведенного требования об ограничении литературоведения рамками художественной литературы самому автору оказывается не под силу. Эта непоследовательность, очевидно, проистекает из необдуманности самого принципа. Если исторические и географические сочинения можно отчасти включить в состав понятия художественной литературы потому, что в них имеются художественно изложенные места или «строгий язык», то зачем же отказывать в этом праве философским, юридическим и другим сочинениям, которые тоже сплошь да рядом изобилуют разными художественными достоинствами? В «Основах химии» Менделеева и в «Капитале» Маркса есть также и художественные места, и строгий язык, и многое другое, но никто не упоминает их в составе изящной литературы. Но главная ошибка проф. Поппе не столько в неспособности действительно четко разграничить области художественной и научной литературы³⁰, сколько в непонимании *историчности* этого разграничения. Не далее как в том же выпуске Записок Института востоковедения есть статья академика И. Ю. Крачковского о новоарабской литературе, в которой мы между прочим читаем: «Когда мы говорим о древней арабской литературе, мы часто понимаем под этим, как и при средневековых литературах (курсив наш. — М. Т.), вообще всю письменность: почти все истории арабской литературы включают такие отделы, как философия, точные науки и т. д.»³¹. То же самое относится, как известно, и к древним литературам Индии, Китая, Греции и т. д. Почему проф. Поппе так изолированно трактует монгольскую литературу, не учитывая, что это — общее явление, свойственное целому ряду литературоведческих отраслей? Дело тут не в «непонимании» или «подмене», а в коренном отличии современных литератур, буржуазных и пролетарских, от литератур прежних эпох, когда, несмотря на блестящее во многих случаях развитие, выделение научной и специальной литератур почти никогда не доходило до полного отрыва их от художественной литературы и когда образованный человек эпохи мог быть начитанным одновременно чуть ли не во всех отделах литературы. Поэтому только справедливо, если в таких случаях не проводится строгого различия между литературой в узком смысле и письменностью в широком смысле. Таким образом, мы считаем вполне

ские черты этих необузданных сыновей степи, которые некогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча». (См.: [Лауфер, 1927].)

²³ См. выше, примеч. 3. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁴ Указ. соч. С. 14. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁵ С. 25 и 28–29. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁶ С. 25. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁷ С. 29 и 28. (См.: [Поппе, 1935а].)

²⁸ С. 8 и след. (См.: [Поппе, 1935б].)

²⁹ С. 9. (См.: [Поппе, 1935б].)

³⁰ Ср. в статье И. Нусинова «Литература» в Литературной энциклопедии, т. VI, главу «Литература и наука» (стб. 423). (См.: [Нусинов, 1932].)

³¹ Вышеназв[анный] III выпуск Записок, с. 159–160. (См.: [Крачковский, 1935].)

целесообразным для литератур «средневекового», т. е. феодального типа, а тем более для литератур дофеодальных эпох, включение в понятие литературы всей письменности, как, разумеется, и всего фольклора.

§ 5. Проблема переводной литературы

Своеобразную методологическую трудность в монгольском литературоведении представляет вопрос о переводах. Дело в том, что монгольская письменная литература в большей своей части состоит, как известно, из переводов с других языков. По словам проф. Поппе, переводы эти делались вначале с уйгурского, потом с тибетского, а также с китайского языков³²; но здесь не указано, что переводов с китайского довольно мало, так как китайские сочинения переводились в большей части с готовых маньчжурских переводов, так что придется дополнить этот список маньчжурским языком. Ввиду такого преобладания переводов возникает следующий вопрос: «Можно ли такие переводные, неоригинальные произведения считать предметом монгольского литературоведения?»³³ На этот вопрос проф. Поппе сам же дает следующий ответ: эти произведения надо изучать в составе монгольской литературы: 1) поскольку они вошли в литературный обиход, акклиматизировались и сумели вызвать в данной национальной среде местные литературные явления, представляющие собою некое окружение для данного литературного произведения; 2) потому что переводы выполнены по определенному социальному заказу: «Никому не нужного, никому ничего не говорящего произведения не станут ведь переводить»³⁴. Очевидно, проф. Поппе считает, таким образом, что переводная литература должна быть включена в понятие монгольской литературы³⁵.

Но эта концепция проф. Поппе неверна, так как в монгольской литературе имеется немало именно «никому не нужного» переводов — «мертвых сокровищ», по выражению акад. Владимирцова. Очень значительное число переводов, входящих в состав монгольского Данчжура, полного собрания сочинений Цзонхавы³⁶ и других подобных коллекций ни-

кем никогда не читались, не распространялись, не акклиматизировались и не вызвали в монгольской литературе абсолютно никаких откликов; таковы, например, целые крупнейшие отделы Данчжура, посвященные философии, мистике и дисциплине буддизма. Несмотря на грандиозность масштаба подобных переводческих предприятий, они в значительной части были исторически безрезультатны. Если проф. Поппе такой факт социологически кажется невозможным, то это указывает лишь на неисторичность его представления о «социальном заказе». Социальный заказ на эти никем не читанные переводы был, но смысл его резко отличается от социальных заказов послефеодальных периодов истории. С точки зрения общепринятой в буддизме теории так называемой религиозной заслуги (санскр. *пунья*, тиб. *соднам*, монг. *буян*) всякая переписка и тем более перевод священных текстов представляет собою такую заслугу, даже независимо от дальнейшего назначения данного перевода. Для маньчжурского императора Цянь Луна (1736–1796) достаточно было той репутации покровителя веры, которую он снискал себе подобными благочестивыми начинаниями, но о действительной эффективности переводов ни он, ни его преемники не заботились. Философия буддизма продолжала по-прежнему изучаться в монгольских монастырях исключительно на тибетском языке, и некоторые попытки монголизации монастырской учебы или хотя бы монастырской книжности со времен Абатай Хана³⁷ до То-вана³⁸ и вплоть до Ц. Ж. Жамцарано³⁹ так и не имели успеха*****.

В результате мы имеем факт, очень многозначительный для культурной истории Монголии: пересаженная в Монголию из Тибета сложная культура буддийских монастырей так и не была монголизована по языку. Умственная культура феодального периода Монголии имела свой центр тяжести в монастырях, но ее орудием был никак не монгольский, а исключительно тибетский язык. Отсюда получилось, что наряду с монгольским литературным языком в Монголии в качестве второго, не только равноправного, но и преобладающего литературного языка распространился тибетский литературный язык. «Монгольский язык, уступая место тибетскому, —

³² Статья в «Современной Монголии», с. 7. (См.: [Поппе, 1935б].)

³³ Статья проф. Поппе в Записках Института востоковедения, с. 16. Аналогичные формулировки мы встречаем и в остальных цитированных статьях проф. Поппе: в Литературной энциклопедии, стб. 451, и в «Современной Монголии», с. 7. (См.: [Поппе, 1935а; 1932; 1935б].)

³⁴ Статья в Записках Института востоковедения, с. 17. (См.: [Поппе, 1935а].)

³⁵ См. также его статью в Литературной энциклопедии: стб. 451: «Тем не менее она (переводная литература) должна быть предметом тщательного изучения со стороны монголоведов, так как пустила корни в Монголии и распространилась». (См.: [Поппе, 1932].)

³⁶ Цз о н х а в а — известный реформатор тибетского буддизма (1357–1419).

³⁷ Согласно тибетской биографии Балгон Шадби-дордже, 1-го перерожденца Цзугин-ламы, Абатай-Хан (XVI в.) выписал из Тибета Ширэту Гушри-цордже специально для перевода тибетских книг на монгольский язык для распространения буддизма в Монголии (см. Послесловие этой биографии).

³⁸ Т о - в а н*****, как указано в его орфографическом сочинении, основал школу для изучения буддизма по-монгольски, но она просуществовала недолго.

³⁹ Согласно переписке между Ц. Ж. Жамцарано и известным ламаистским ученым Цзава-Дамдином*****, опубликованной на тибетском языке в монастыре Шина-Чойрин Хуре, Ц. Ж. Жамцарано обращался к Цзава-Дамдину с предложением организовать в широком масштабе перевод тибетской книжности на монгольский язык. Цзава-Дамдин отклонил его предложение.

писал акад. Владимирцов — уходит в канцелярии, в ставки князей, в юрты светских лиц, но и там встречает себе соперника в лице опять же тибетского языка, который во всеоружии своей громадной литературы стремится завоевать новые и новые области монгольской духовной жизни... Не только буддийское духовенство, но и светское общество обращается к этому языку... вообще все, кто только стремится стать образованными, начинают изучать тибетский язык»⁴⁰.

Но дело не только во втором литературном языке: в Монголии на тибетском языке вырастает действительно крупная литература. Акад. Владимирцов мог указать на нескольких выдающихся писателей из монголов, писавших по-тибетски⁴¹, но в настоящее время их количество, оказывается, было гораздо большим, чем это можно было предполагать. Акад. Владимирцов указывает на алашаньского Дандар-лхарамбу, который своими учеными сочинениями на тибетском языке прославился не только в Монголии, но даже и в самом Тибете⁴². Но, помимо того, что число таких монголо-тибетских авторов, так сказать, международного значения было довольно велико, — можно назвать, например, еще Балдан-цорчже, Дандар-агримбу, Чагдор-габджу, Цава-Дамдина и др. Если попытаться перечислить лишь тех авторов, которые прославились только в пределах Монголии, то и их окажется очень много, причем необходимо подчеркнуть, хотя подробнее останавливаться на этом вопросе здесь невозможно, что и в качественном отношении их литературная продукция находится на высоком уровне, являясь естественным продолжением индо-тибетской философско-схоластической традиции, которая во всяком случае с честью выдержит сравнение со средневековой европейской литературой.

Аналогия с Европой средних веков поможет нам осмыслить и тот поразительный факт, что эта тибетская литература монголов, будучи вполне «нормальной» литературой, т. е. имея и определенно датированных, ярко выраженных авторов, и преемственность, и полемику, и идейную борьбу и т. д., заняла фактически положение «национальной литературы», богато отражающей идеологию эпохи, и тем самым подавила и оттеснила монгольскую литературу на положение загнанной, прозябающей письменности, почти не знающей, по словам акад. Владимирцова, своих, национальных по языку, писателей-творцов⁴³. Не иначе ведь было положение и в средневековой Европе, с ее господством латыни.

Такое положение монгольской литературы в феодальную эпоху объясняет нам наличие в ней доволь-

но многочисленных «мертвых сокровищ», вроде вышеупомянутых Ганчжура и Данчжура — факт, совершенно обойденный в цитированных статьях проф. Поппе. Между тем очерченное положение, сводящееся к отсутствию монголизации национальной умственной культуры в эпоху феодализма и к наличию в богатой переводной литературе значительных «мертвых пластов» — с одной стороны, обнаруживает снова неправильность утверждения Лауфера о равноценности монгольских буддийских канонов с китайскими⁴⁴, а с другой стороны, обнаруживает и неправильность утверждения проф. Поппе, будто переводная литература не могла быть переведена впустую. Самый факт наличия переводов еще не превращает их тем самым в литературу: «История литературы есть история прочитанного, но не история написанного»⁴⁵.

Если мы, таким образом, считаем необходимым сделать «отвод» для значительной части монгольской переводной литературы с тибетского, то этим еще не снимается литературоведческая проблема переводов в монгольской литературе. Но центр тяжести проблемы совершенно не в том, в чем его видит проф. Поппе. Трудность литературоведческой разработки переводной литературы отмечена была Лауфером в его статье о маньчжурской литературе: «История маньчжурской литературы, — говорит он, — которая, в сущности, представляет только ответ китайской литературы, неизбежно должна быть трактуема иначе, нежели история самостоятельной литературной области. Задача ее историка не может состоять в том, чтобы изучать и анализировать отдельные переводы (курсив наш. — М. Т.), так как подобная задача стала бы понятна лишь в связи с развитием китайской литературы и, следовательно, должна быть предоставлена изложению последней»⁴⁶. Это своеобразное положение, с такой ясностью сформулированное Лауфером в отношении маньчжурской литературы, не было применено ни им самим, ни кем-либо другим к монгольской литературе, хотя методологическая сторона проблемы здесь одинакова в отношении переводной части монгольской литературы. Как уже сказано, монгольская литература феодального периода в большей своей части переводная. Но подавляющий избыток переводной литературы отнюдь не означает, что она тем самым оторвана от социальной действительности и не выражает собою реальной идеологии эпохи: он означает, что эта литература по своему содержанию не может быть ни понята, ни объяснена сама из себя, по образцу, например, богатейших оригинальных пластов индийской, греческой или древнескандинавской литератур. Монгольская литература, именно как пе-

⁴⁰ Б. Владимирцов. Raicantra, 1921, с. 50–51. Аналогичное указание у Потанина — «Очерки Северо-Западной Монголии», I (1881), с. VI–VII. (См.: [Владимирцов, 1921; Потанин, 1881].)

⁴¹ Там же. С. 51. (См.: [Владимирцов, 1921].)

⁴² Владимирцов. Там же. (См.: [Владимирцов, 1921].)

⁴³ Там же. (См.: [Владимирцов, 1921].)

⁴⁴ Лауфер. Указ. соч. С. 66. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁴⁵ Этот тезис принадлежит П. С. Когану. Цитирую из Литературной энциклопедии, VI (1932), стб. 483. (См.: [Цейтлин, 1932].)

⁴⁶ Laufer. Skizze der manjurischen Literatur. «Extrait de la Revue Orientale». 1908. С. 1–2. (См.: [Laufer, 1908].)

реводная литература, является зависимой не только в узкофактическом смысле ее зависимого возникновения: она и по содержанию и смыслу, по системе своей идеологии может быть охвачена только в сопоставлении ее с ее идейными источниками и оригиналами, а также при сопоставлении ее с тибетской литературой, возникшей в самой Монголии и гораздо более полно отражавшей общественную идеологию.

§ 6. Проблема истории культуры

Но изучение идеологических систем индо-тибетского буддизма в Индии и Тибете, а также и в самой Монголии, представляя собою неизбежную предпосылку для охвата идейного содержания монгольской литературы, само непосредственно к монгольскому литературоведению отнесено быть не может. Это — задача истории умственной культуры Центральной Азии, задача столь же неизбежная, сколь далекая сегодня от своего разрешения. Мы можем быть какого угодно мнения о преобладании переводов в монгольской литературе, но — за исключением вышеуказанных «мертвых сокровищ» — те переводы, которые не только писались, но и читались, и обдумывались, и изучались, действительно выражают собою идеологию эпохи в неменьшей степени, чем немногочисленные оригинальные сочинения. Для их понимания в порядке литературоведческого изучения недостает *важнейшей* для монгольского литературоведения *вспомогательной дисциплины: недостает истории центральноазиатской культуры*. Этот дефект необходимо подчеркнуть со всей резкостью именно потому, что он до сих пор не был отмечен. Поэтому совершенно непонятна та простота, с которой проф. Поппе предлагает включить монгольскую переводную литературу в число предметов изучения, как бы не подозревая, что любой перевод, рассматриваемый только в рамках монгольской литературы, хотя бы с присоединением справок о том, откуда он переведен, будет представлять собою совершенно недоступную загадку по своему *содержанию*. При этом надо добавить, что для монгольского читателя он такой загадки не представлял, так как те самые вопросы, которые мы теперь предлагаем разрешить посредством разработки истории центральноазиатской культуры, были достаточно освещены для него богатой *устной* традицией толкования.

Если мы не желаем ограничиться литературоведением в духе формалистической школы, а хотим понять монгольскую литературу феодальной эпохи как действительное выражение ее идеологии, как орудие идейной борьбы и могущественных общественных интересов, понять ее социологически и исторически, то невозможно разрабатывать ее в отрыве от системы и истории идеологии всего центральноазиатского общества, частью которого была Монголия, и столь же невозможно отрывать ее изучение от других, не менее богатых орудий идеологического движения, из коих на первом месте приходится по-

ставить тибетскую литературу, создававшуюся в Монголии.

Но дело не исчерпывается идеологией индо-тибетского происхождения и стиля. В предисловии к своему классическому Монгольскому словарю Ковалевский отметил наличие следующих «четырёх элементов образованности» у монголов: 1) элемент номадный, 2) индо-тибетский, 3) китайский и 4) европейский⁴⁷. Здесь необходимо подчеркнуть значение китайского элемента как второго по силе после индо-тибетского. Китайское культурное влияние в Монголии, по-видимому, гораздо древнее индо-тибетского, но ничего не известно о том, чтобы до эпохи маньчжурской династии предпринимались какие-либо систематические усилия по внедрению в Монголию элементов традиционной китайской идеологии⁴⁸. В маньчжурскую эпоху предприняты были многочисленные переводы художественных, религиозных и философских сочинений преимущественно конфуцианского характера, причем в большинстве эти переводы делались, как выше отмечено, не с китайского, а с маньчжурского языка. В отношении этих переводов дело обстоит не иначе, и потому в истории центральноазиатской культуры неизбежно выделение самостоятельного китайского раздела, ориентирующегося на подлинные китайские источники. Таким образом, очерчиваются основные требования к истории центральноазиатской культуры как вспомогательной дисциплине монгольского литературоведения. Ее основной задачей должно быть, используя соответствующие достижения других отраслей востоковедения, установление исторического развития тех идеологических систем — так сказать, в их непереуказанной, оригинальной форме, — для того, чтобы дать возможность уже монгольскому литературоведению как таковому выяснить характер их рецепции монгольской культурно-идеологической средой, а также их дальнейшие литературно-идеологические последствия в этой среде.

§ 7. Вопрос о племенных литературах

При соблюдении вышеуказанного требования о создании истории центральноазиатской культуры впервые возможно будет введение в монгольское литературоведение культурно-исторической точки зрения, которая позволит многие вопросы разрешить впервые научным образом. К числу таких вопросов относится и проблема взаимоотношений между монгольской литературой с одной стороны, и многими монгольскими литературами — с другой стороны. Эта проблема затронута проф. Поппе в одной из ци-

⁴⁷ Осип Ковалевский. Монголо-русско-французский словарь. Т. I. Казань, 1844. С. IV и след. (См.: [Ковалевский, 1844].)

⁴⁸ Переводы, делавшиеся в эпоху Юаней (см.: Позднеев, Лекции. I, 1896а, с. 177 и след.) по-видимому, не нашли распространения и в настоящее время утеряны. (См.: [Позднеев, 1896а].)

тированных статей следующим образом: по его мнению, одной из коренных ошибок монгольского литературоведения до сих пор было то, что оно рассматривало всегда в качестве своего предмета некую общую монгольскую литературу, но не ставило себе целью проследить литературы отдельных монгольских племен, как-то: халхасов, ойратов, бурят и др.⁴⁹ По мнению проф. Поппе, монгольскую письменную литературу можно считать единой только до XIV в., а с этого времени необходимо вести отдельную историю для литературы каждого из монгольских племен⁵⁰. Но, по справедливому указанию проф. Поппе, например, громадные переводческие предприятия, вроде переводов Ганчжура и Данчжура, относятся к XVII и XVIII вв.⁵¹ К какой же из отдельных монгольских литератур собирается отнести их проф. Поппе? Совершенно ясно, что если бы даже, скажем, оказалось, что персональный состав переводчиков набирался из чахаров и что поэтому некоторые особенности чахарского наречия отразились на переводных текстах, это ни в коем случае не давало бы нам права ограничиться приурочением этих переводов к составу чахарской литературы по той причине, что они и в последующие десятилетия и века оставались понятными для всех тех племен, которые продолжали еще пользоваться так называемым монгольским литературным языком. Поэтому ясно, что поскольку этот (классический) литературный язык сохранял свое значение, постольку существовала и междуплеменная письменная литература. Другое дело ойратская письменная литература, с семнадцатого века пользовавшаяся другим литературным языком, другое дело также фольклор, всегда тесно связанный с племенными особенностями, и другое дело, наконец, монгольская литература с начала двадцатого века, когда, особенно после революции, начало происходить усиленное сближение между литературным и разговорным языком.

Таким образом, мы считаем, что, поскольку речь идет о монгольской письменной литературе, необходимо установить пределом ее никак не XIV в., а XVII, когда произошло выделение ойратского литературного языка, а в отношении остальных племен общая литература должна трактоваться как таковая вплоть до конца XIX в. Мелкие языковые различия относятся скорее к области языковедения, чем к области литературоведения. До конца XIX в. наличие для известных групп междуплеменных литературных языков совместно с культурно-историческим фондом, связанным с каждым из них, заставляет нас, вполне допуская возможность и необходимость отдельных историй литератур, выделять из всех них общую для них составную часть, которую не имеет никакого смысла каждый раз излагать повторно. По-

этому недостаточно «учитывать связь» между племенными литературами, как это предлагает проф. Поппе⁵², а необходимо диалектически подвижным образом рассматривать каждую из племенных литератур как становящуюся, выделяющуюся — сначала своим фольклорным элементом, а затем и в письменности — из общего сложного единства, слагающегося из более широкого круга центральноазиатской культуры и более узкого круга междуплеменной монгольской культуры, распадающейся уже с давних пор, в свою очередь, на более или менее крупные группы.

§ 8. Самостоятельная монгольская литература

При большом преобладании в монгольской литературе переводов над самостоятельными сочинениями особый интерес привлекает к себе, естественно, та часть монгольской литературы, которая не является переводной. Мы уже упоминали о том, что большую литературную активность монголы проявили на тибетском языке. Что же касается монгольского национального языка, то естественно предположить, на первый взгляд, что прежде всего устная литература или фольклор окажется свободнее от внешних влияний. Но на самом деле это не так. Одно из наиболее крупных достояний старого фольклора — это эпос о Гэсэр-хане, пользующийся большой популярностью у некоторых монгольских племен, имеющийся и в записях. Однако этот эпос также оказывается заимствованным. Тем не менее назвать его просто переводом тоже нельзя, так как он подвергся значительной переделке в монгольской среде. Таким образом, можно сказать, что монгольские варианты «Гэсэриады» представляют плод совместного творчества тибетцев и монголов. Произведение это в монгольском своем виде обладает столь богатыми поэтическими достоинствами, столь разнообразным содержанием при значительных размерах, что Лауфер недаром обозначил его как интереснейшее произведение монгольской литературы⁵³. В монгольский фольклор перешло очень много сюжетов из Индии, Тибета и других окружающих стран, но не только сюжеты, а и самая поэтика фольклора также указывает на связь с другими культурами⁵⁴. Но сколько бы ни было подобных заимствований в составе фольклора, самостоятельное творчество постоянно участвует в нем в большей мере, нежели в письменной литературе, не говоря уже о том, что имеется большая устная литература, безусловно, не заимствованная ниоткуда, а выросшая всецело из почвы монгольской истории. Таковы, например, раз-

⁴⁹ Указ[анная] статья в Записках Института востоковедения Академии наук, с. 14. (См.: [Поппе, 1935a].)

⁵⁰ Там же. (См.: [Поппе, 1935a].)

⁵¹ Статья в «Современной Монголии», с. 5–6. (См.: [Поппе, 1935b].)

⁵² Записки Института востоковедения, с. 16. (См.: [Поппе, 1935a].)

⁵³ Указ. соч. С. 75. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁵⁴ Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. 1923. Предисловие, с. 35–36. (См.: [Владимирцов, 1923].)

личные полуисторические былины и т. д. Кроме того, мы имеем в фольклоре, как известно, и богатую лирику. Таким образом, монгольский фольклор включает в себе, наряду с заимствованиями, самостоятельное творчество, богатое как по содержанию, так и по форме⁵⁵.

Что касается письменной литературы, то надо прежде всего указать, что точное отграничение ее от фольклора не всегда возможно, так как не раз бывало, что устное предание записывалось чуть не одновременно с его возникновением. Так было, например, в XII в. со знаменитым «Сокровенным сказанием»⁵⁶ так бывало еще и в XX в. с ойратскими былинами⁵⁷. Но если ограничиться действительно письменной литературой в точном смысле, то ее можно считать сравнительно небогатой только лишь по сравнению с переводной литературой, но иной вывод получится при сравнении ее, например, с письменными литературами других кочевых народов⁵⁸.

Говоря о самостоятельности литературы, можно различать несколько градаций. Малосамостоятельной можно считать литературу такого типа, когда мы имеем подражание или небольшую переделку заимствованного материала, или компиляцию из малообработанных заимствованных материалов. Вопреки мнению проф. Поппе сюда относится как раз значительная часть тех исторических произведений, которые он не перестает расхваливать в своих статьях как «замечательные» и весьма самостоятельные. На самом деле значительная часть этих исторических произведений, вроде, например, «Болор Толи»⁵⁹, представляет собою оскуднённую компиляцию из тибетских и маньчжурских источников*****. Это не исключает того, что есть и весьма самостоятельные, оригинальные исторические произведения, но их гораздо меньше.

Вполне самостоятельными в большинстве случаев являются произведения, содержащие обработку специально монгольских тем. В качестве таковых можно указать, из числа художественных произведений, на «Сокровенное сказание» и др. В научной области сюда же можно отнести разработку монгольскими языковедами вопросов монгольской грамматики и орфографии, содержащуюся в ряде произведений, начиная с Чжи-рухэну Тольта, отмеченного Позднеевым⁶⁰. Сюда же можно отнести различные

кодексы «Степных законов» (см. ниже) и др. Наконец, наивысшую самостоятельность придется приписать тем сочинениям, в которых дается синтез как чужестранных, так и национальных культурных элементов, — синтез, не укладывающийся ни в раздел культурных заимствований, ни в раздел таких произведений, кругозор которых ограничивается узконациональными рамками. К числу подобных произведений можно отнести, например, «Наставление» То-вана, в области лирики — стихотворения Цокто-тайчжи и др.

§ 9. Личная и безличная литература

Мы выше приводили мнение акад. Владимирцова о том, что монгольская литература «почти не знает писателей-творцов» на национальном языке. Если сопоставить монгольскую литературу дореволюционного периода не только с «нормальными» литературами других народов, но даже хотя бы с тибетской литературой, созданной самими же монголами, то придется признать, что количество определенных авторов-творцов в ней действительно чрезвычайно невелико. Тем не менее изыскания в этой области уже дали некоторые результаты, и из кажущейся безличной массы проступили некоторые яркие фигуры, как, например, Цокто-тайчжи, автор лирических произведений и историко-философских опытов, запечатленных на камнях⁶¹. В середине XIX в. выделяется в качестве разностороннего писателя хулумбуирский То-ван (Тогто-хо-төрө), автор этически-экономического «Наставления» и других сочинений по этике, по полезным ископаемым, по правописанию и др. В XIX в. мы имеем также Хуульту-сандага, автора различных од, эпиграмм и разных других стихотворных произведений. В XX в. среди ойратов большой популярностью пользовался Парчей, автор поэмы о взятии Кобдо (1911)⁶². Нет сомнения, что изыскания в этой области без труда обнаружат гораздо большее количество авторов в разных областях литературы старого и нового времени.

§ 10. Социальная борьба в монгольской литературе

Вопреки мнению, будто «природа монгола... совершенно равнодушна к страшной деспотии в социальной жизни»⁶³, в монгольской устной и письмен-

⁵⁵ О монгольском эпосе см. указанное в примеч. 53 Предисловие Б. Я. Владимирцова. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁵⁶ Записано было впервые в 1240 г.

⁵⁷ Владимирцов, там же, с. 40. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁵⁸ Ср.: Потанин. Указ. соч., с. VII. (См.: [Потанин, 1899].)

⁵⁹ В статье проф. Поппе названы (с. 9) «Хрустальное зеркало» (Болор Толи) — чисто компилятивное сочинение, «Драгоценные четки» (Эрденийн Эрихе), представляющее собою сухую сводку официальных дат архивного происхождения и имеющее некоторую ценность только ввиду неиспользованности монгольских архивов, и т. д. (См.: [Поппе, 19356].)

⁶⁰ См. ниже, § 16.

⁶¹ О Цокто-тайчжи см. статью Владимирцова в «Известиях» Академии наук, 1926 г. О надписи Цокто-тайчжи в Цаган Байшине см.: Позднеев. Монголия и монголы, т. I, с. 467 и след. и работы Нuth'a, указ. соч. Лауфера, с. 39, примеч. (См.: [Владимирцов, 1926а; Позднеев, 1896; Нuth, 1894; Лауфер, 1927].)

⁶² Владимирцов, вышеуказанное Предисловие, с. 31 и след. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁶³ Пржевальский. Монголия и страна тангутов. 1, с. 53. (См.: [Пржевальский, 1875].)

ной литературе феодального периода мы находим многочисленные непосредственные отражения социальной борьбы, которая, конечно, протекает в своеобразных, не всегда легко распознаваемых формах. Так, имеются многочисленные сведения о борьбе светских феодальных кругов против оспаривавшего их власть шаманства⁶⁴. Далее мы имеем яркое выражение борьбы за национальную независимость против порабощения Монголии маньчжурами⁶⁵. За время маньчжурского владычества мы встречаем социальную критику в виде различных «Наставлений», например, «Наставления» Гунгин Цзугин Гэгэна и др., которые под видом советов и поучений содержат обличение поведения высших классов феодального общества⁶⁶. Еще больший интерес представляют фольклорные произведения о народных шутниках и весельчаках типа фламандского Эйленспигеля***** или пушкинского Балды, которые, пользуясь нравом остряков, жестоко издеваются и обличают все то, что в феодальном строе считается неприкосновенным. Таковы упоминаемые Потаниным Анцзан-ху-урумчи и Бал'ин-сэнгэ⁶⁷, а также, например, «Ганданский бадарчин»⁶⁸ и др. Подобный безобидный шутник приобретает вдруг неожиданные черты: он — доброжелатель человечества, он борется с Эрлик-ханом (царем смерти), он — волшебник, он — сын неба, в нем проступают черты не то Фауста⁶⁹, не то Прометея*****.

Аналогичные мотивы встречаются в немалом количестве и в переводной литературе, что вполне естественно, так как, например, литература, переведенная с тибетского, отражает крупные исторические эпохи Индии и Тибета, заполненные, в свою очередь, социальной борьбой. Так, например, в одной из сказок про kota-монаха, пришедшей кружным путем из Индии, мы встречаем беспощадное разоблачение ханжи-монаха; в переведенных с тибетского песнях Миларайбы мы также встречаем яркое выражение социальной критики⁷⁰. Эти примеры можно было бы значительно умножить: собрание этого рода мате-

риалов представилось бы благодарной задачей, так как дало бы богатейший материал к реальной социологии центральноазиатского общества вообще и Монголии в частности.

§ 11. Классификация монгольской литературы

В новейшей сводке монгольской литературы Лауфера оглавление вскрывает перед нами полную беспомощность классификации различных произведений монгольской литературы, так как в ней отсутствует единый принцип: часть произведений приурочивается к известной рубрике по их происхождению, например, китайская литература, часть — по содержанию, например, юридическая литература и т. д. Никакой определенной системы классификации не встречаем мы и в статьях проф. Поппе⁷¹. Действительно, установить классификацию не так просто до тех пор, пока у нас нет определенной целевой установки в отношении монгольской литературы. Целевой установкой может быть только одно: монгольская литература как культурное наследие, подлежащее критическому освоению. При такой точке зрения совершенно ясно, что любое произведение старой монгольской литературы, независимо от того, переводное оно или нет, а если переводное, то с китайского или с тибетского, должно рассматриваться как материал к социально правильному и исторически целесообразному разрешению той или иной задачи строительства современной монгольской культуры. Поскольку эта культура, в свою очередь, представляет собою определенную систему, то литературный материал, естественно, распределяется соответственно расчленению этой системы. Так, например, различные отрасли художественной литературы предоставляют материал для художественного творчества как по форме, так и по сюжету, а по своим основным идеологическим тенденциям могут служить для конкретизации различных сторон общей задачи преодоления феодализма. Юридическая литература, как самостоятельная, так и переводная, дает не только богатый материал по исторической социологии, но и много злободневного материала для практики юридического строительства. Медицинская литература дает ценный материал по различным болезням, связанным с данным природным и социальным комплексом и попытками, более или менее удачными, их лечения, предпринимавшимися на почве тибетской медицины, приведшими к ценным экспериментальным результатам, вследствие чего медицинская

⁶⁴ Потанин. Восточные мотивы, с. 567, 657, 839; Владимирцов. Чингис-хан. (См.: [Потанин, 1899; Владимирцов, 1922].) В том же духе сведения и в монгольской биографии шамана Даян-Дэрэхи.

⁶⁵ См.: Владимирцов, в статье, указ. в примеч. 61. (См.: [Владимирцов, 1926].)

⁶⁶ См. главу о дидактической литературе у Лауфера, с. 70–71, и в послесловии к Хрестоматии монгольской словесности Позднеева, с. VI–VII. (См.: [Лауфер, 1927; Позднеев, 1900].)

⁶⁷ Ср.: Потанин. Указ. соч., с. 466 и след. (См.: [Потанин, 1899].)

⁶⁸ Это произведение еще никем не было записано.

⁶⁹ Потанин, с. 502. (См.: [Потанин, 1899].)

⁷⁰ Сказку о Коте-монахе см. у Владимирцова, Рафсантантра, с. 126 и след.: «Мыши и кот-наставник». — «Полное собрание песен» Миларайбы проф. Поппе называет «Сто тысяч песнопений» (статья в «Современной Монголии», с. 8), но такой перевод заглавия основан на недоразумении. (См.: [Владимирцов, 1921; Поппе, 19356].)

⁷¹ В статье в «Современной Монголии» проф. Поппе разбирает «оригинальную монгольскую литературу» на след. разделы: 1) история, 2) география, 3) художественная литература (с. 8–9), а фольклор трактует совершенно отдельно (с. 10). (См.: [Поппе, 19356].) В его статье в Литературной энциклопедии мы встречаем старые лауферовские рубрики: буддийская литература, китайская литература (стб. 449) и т. п. (См.: [Поппе, 1932].)

литература, помимо исторического интереса, оказывается в той или иной степени практически ценной для дела здравоохранения, и т. д. Во всяком случае, несомненно, что подход к старой монгольской литературе с точки зрения культурного наследия должен являться решающей установкой и для ее классификации, и для монгольского литературоведения вообще.

Рассматривая состав монгольской литературы с точки зрения культурного наследия, мы, конечно, не можем себе поставить целью дать здесь исчерпывающий библиографический очерк, так как для этого недостает подготовительных работ и при всяких условиях это было бы несовместимым с размерами краткой журнальной статьи. Не ограничиваясь здесь вопросами, уже освещенными в научной литературе европейского типа, мы постараемся дать краткую характеристику состава монгольской литературы, считая, что ее интерес будет состоять главным образом в новой точке зрения.

§ 12. Литература по экономике

Эта область в монгольской литературе мало представлена, и это лишний раз указывает на то, насколько историк Монголии зависит от иноязычных, и в особенности китайских, источников, богатых экономическими данными⁷². Блестящий труд покойного акад. Владимирцова⁷³ хотя и открывает новую эпоху в монголоведении, лишен надлежащего экономического фундамента и представляет собою, в сущности, социологический анализ терминов монгольского феодализма на известной хронологической канве. Нераскрытость китайских источников, и притом не столько литературных, сколько архивных, является решающим препятствием для изучения исторического движения монгольской экономики. Тем не менее некоторые материалы, относящиеся к этим вопросам, в монгольской литературе имеются. Сюда относятся прежде всего материалы, содержащиеся в экономических главах «Истории юаньской династии», которая, как известно⁷⁴, не раз переводилась на монгольский язык. Далее, в подробнейшей официальной биографии маньчжурского императора Канси⁷⁵ имеется немало сведений по монгольской экономике XVII в., представляющих особые главы. О монгольских архивных материалах в собственном смысле мы не говорим, поскольку они к нашей теме не относятся. О принципах конфуцианской экономической политики маньчжурской эпохи имеется

⁷² См. вышеприведенные указания о китайских источниках.

⁷³ См. выше, примеч. № 12.

⁷⁴ Владимирцов. Указ. соч., с. 9, примеч. 5. (См.: [Владимирцов, 1934].) Один из переводов, выполненный покойным монгольским Китаистом Данда, хранится в библиотеке НИКа.

⁷⁵ Перевел с маньчжурского Лобсан-галда по поручению 8-го богдо.

ценнейший документ в виде «Указа», изданного от имени маньчжурских императоров Канси и Юнчжэна. Это яркое произведение позднейшего конфуцианства имеется в превосходном монгольском переводе, впервые опубликованном, по-видимому, в 1830 г.⁷⁶

О существовании оригинальных монгольских экономических произведений до сих пор не было известно, но к таковым надо отнести «Наставление» хулумбуирского То-вана, написанное в 1853 г.⁷⁷, а также «Алтан Толи» (Золотое Зеркало) того же автора, посвященное описанию полезных ископаемых его хошуна.

§ 13. Политика и публицистика

Из переводной литературы мы имеем политическую философию конфуцианства, изложенную в классических трактатах этого учения, переведенных на монгольский язык⁷⁸. Сюда же относится и вышеупомянутый «Указ» Канси. Политические принципы эпохи Юаней изложены в оригинальном сочинении под названием «Цаган Туухэ», которое проф. Поппе, по недоразумению, относит к исторической литературе. Из индо-тибетской переводной литературы мы имеем сочинения, относящиеся к области индийской «Нити-шастра», т. е. «Политики», предназначавшиеся для царей и министров индийских средневековых государств. Из этой области имеются, например, сборники политико-моральных наставлений Масуракиши и Чанакьи, переведенные в составе Данчжура, и др. Из тибетской литературы сюда относятся частично «Изречения» Сакья Пандиты⁷⁹ и в полной мере сюда относится «Жемчужное ожерелье» («Мутиль-прэнва») — политическое наставление, сочиненное по-тибетски специально для Монголии при пятом Далай-ламе по просьбе монгольских князей и переведенное на монгольский язык, переводы наставлений Гунтан-гэгэна и др. Из оригинальной монгольской литературы мы имеем опять же «Наставление» То-вана и затем большую публицистическую литературу, вращающуюся вокруг различных социальных и политических вопросов, сочинявшуюся различными монгольскими князьями и чиновниками. Главным образом она относится формально к числу разных деловых бумаг, подававшихся в течение различных судебных процессов и т. п. Но как в Китае⁸⁰,

⁷⁶ Лауфер. Указ. соч., с. 68, примеч. 2. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁷⁷ Глава о скотоводстве из этого «Наставления» впервые издана НИКом в настоящем году. (См.: [Тубянский, 1935а].)

⁷⁸ Мы имеем в виду «Сы шу» и «У цзин», которые не раз частично переводились на монгольский язык.

⁷⁹ Монгольский текст их в научном издании подготовлен был к печати покойным ныне ориенталистом Е. Е. Обермиллером в Ленинграде******.

⁸⁰ О китайской чиновничьей литературе см., например, у Васильева: Материалы по истории китайской литерату-

так и в Монголии казалось бы «бюрократическая» письменность подобного рода выходит за рамки деловой переписки: этого рода произведения переписывались и расходились в списках по всей стране и иногда имели большой успех. К числу таких авторов можно отнести, например, того же То-вана и ряд других писателей второй половины XIX в., к числу которых относятся, например: Дашинима-Гун, улясунтайский Ламачжаб-гун, Хайсан-гун, Гуй-амбань, самбейские Магсар-галда и Чагдор-галда и ряд других.

§ 14. Ганчжур и Данчжур

В монгольском переводе мы имеем две крупные коллекции индийской литературы, переведенной с тибетского, а именно: а) Канон переведенных откровений (Ганчжур), т. е. сочинений, приписываемых различным буддам, и пере-переведенных с тибетского перевода индийских оригиналов. Эта коллекция отредактирована была тибетцем Будоном в XIV в. и переведена на монгольский в XVII в.; б) Канон переведенных трактатов (Данчжур). Эта коллекция также составлена была Будоном, причем в нее включено было все то из индийской литературы, входящей в состав монастырской учебы, что только могло быть собрано в Тибете в то время. Эта коллекция переведена была на монгольский язык в XVIII в. Обе эти коллекции не представляют собою каких-либо «энциклопедий», как это предполагает проф. Поппе: это просто серийные издания классиков индубуддийской культуры, и только разнообразие тематики, очевидно, дало повод говорить об «энциклопедиях». В частности, Данчжур, имеющий более систематический характер по расположению своего материала, охватывает сочинения, располагающиеся по следующим категориям: 1) восхваления Будды и прочие хвалебные сочинения, 2) мистика (тантризм), 3) наука и философия. Последний раздел распадается на известные пять индийских наук: а) духовная наука — сюда относятся сочинения по философии школ мадхьямика, вайбхашика и других индийских школ, а также по монастырской дисциплине (Винае), б) логика, в) языковедение, а именно: грамматика, лексика, поэтика, метрика и образцовые поэтические произведения, в число которых входит, между прочим, «Облако-вестник», знаменитая поэма Калидасы, небуддийского автора; г) медицина и ветеринария; д) техника. В качестве основной отрасли из области техники фигурирует средневековая индийская химия (алхимия), далее идет художественное ремесло (иконопись и т. д.), учение о благовониях (для культа), различные методы гадания и предсказания и т. д. Имеются также сочинения по математике, астрономии и астрологии, включенные в отдел мистики, так

ры, литогр. изд., «Приложения», с. 202 и след. (См.: [Васильев, 1887].)

как их возникновение приписывается будде Калачакре (Дуйнхор)⁸¹. Содержание Ганчжура по тематике совпадает с содержанием Данчжура, но не имеет столь систематического расположения. Из этой объемистой индийской литературы лишь незначительная часть в монгольских переводах может быть действительно отнесена с некоторым правом к составу монгольской литературы, так как она относится к числу «мертвых сокровищ», которые в монгольском своем виде никогда не входили в литературный обиход, не имели читателей (см. выше). Но в известной своей части ряд отдельных произведений, искусственно обезличенных включением в столь громоздкие серии, нашел доступ в литературу. Рассматривать же эти две коллекции без всяких оговорок как относящиеся к составу монгольской литературы, как это делает проф. Поппе, невозможно.

Как видно из вышеприведенной схемы, эти коллекции весьма сложного состава и включают как религиозные, так и светские сочинения. Но разработка состава этих коллекций как таковых не может относиться к задачам монгольского литературоведения.

§ 15. Литература по религии

Эта отрасль в монгольской литературе представлена богато, причем в ней нашли отражение различные эпохи и формы религиозного мышления. Сюда относится прежде всего монгольская шаманская литература, которая известна лишь в незначительной степени. Она отражает в основном дофеодальную Монголию. Происхождение и история шаманства пока совершенно не известны. Тибетские авторы, писавшие о тибетском шаманстве («бомбо») ⁸², склонны отождествлять его с монгольским шаманством и с китайским даосизмом. Сравнительное изучение различных форм как примитивного, так и высокоразвитого шаманства, в том числе и реформированного под влиянием буддизма, когда-нибудь позволит ответить на эти вопросы и позволит внести свет в ту самую область дологического мышления, которая послужила материалом работ акад. Марра. Можно не сомневаться, что как устная, так и письменная шаманская литература Монголии очень много даст для разработки этих тем ввиду ее высокого уровня. Из индубуддийских духовных сочинений наибольшим распространением пользовались монгольские переводы ряда сутр и тантр, вроде «Алтан-гэрэл» («Суварна-прабаса»), «Улигэрун далай» («Дама-мука»), «Панчаракша» и ряд других. Кроме индубуддийских духовных произведений, переведен был и ряд оригинальных тибетских произведений, в том числе трактаты Цзонкапы («Мурун-цзергэ», тиб. «Лам-

⁸¹ Весьма ценный каталог пекинского издания Данчжура издан Р. Cordier в 1914–1915 гг. в 2 томах (Catalogue du Fonds Tibétain de la Bibliothèque Nationale. Troisième partie). (См.: [Cordier, 1914].)

⁸² Например, Туган-гэгэн и др.

рим») ⁸³, Гамбопы («Тонильхуйн чимэг», тиб. «Тарчжан»), «Песни» Миларайбы и его же духовная биография, «Улигэрун Ном» («Притчи», тиб. «Бэ-чой») Бодобы и другие. Из числа переводов с тибетского очень многие сделаны неполно и избивают ошибками, но свободны от этих недостатков выдающиеся переводы, сделанные ойратским Цзая-пандитой ⁸⁴. В наши задачи не может входить здесь конкретная оценка буддийской духовной литературы с точки зрения культурного наследия, но если принять во внимание, что в феодальную эпоху всякое мышление, в том числе и научное, приобретает неизбежно религиозную стилизацию, то ясно будет, что и в составе духовной литературы в тесном смысле слова найдется немало произведений совершенно не духовного характера по своему содержанию и по своей тенденции. Мы уже указывали на то, что социальная критика нашла свое выражение в ряде произведений, традиционно относимых к духовным. Детальный разбор этого рода литературы, поскольку она действительно вошла в монгольский литературный обиход, позволит высвободить из-под схоластической штамповки немало реальных ценностей. Однако, как упомянуто выше, задачи такого рода могут разрешаться лишь при условии, что мы не будем ограничиваться рамками монгольской литературы.

§ 16. Литература по языкознанию

Из переводной с тибетского литературы по языкознанию непосредственно ничего не вошло в состав монгольской литературы, если не считать терминологических словарей «Махавьютпатти» (тиб. Чжэбраг-догчжэд-чэнмо), которые получили некоторое распространение в отдельных ксилографических изданиях ⁸⁵ и представляют интерес с точки зрения монгольской лексики, и систематического тибетско-монгольского словаря по терминологии под названием «Мэргэд гархуйн орон» (тиб. Хайви-чжун-най), составленного в XVIII в. Различных тибетских словарей вообще составлено было много. Другие языковедческие сочинения как индийского происхождения, так и тибетские трактаты по грамматике тибетского языка непосредственно в монгольскую литературу не вошли, но получили в ней своеобразное отражение в виде самостоятельных монгольских сочинений по монгольской грамматике и правописанию, составлявшихся преимущественно монахами под большим влиянием тибетских грамматических трактатов. Сюда относятся, помимо вышеупомяну-

⁸³ Монгольские переводы этого основного трактата ламаизма далеко не удовлетворительны. Но еще гораздо хуже монгольских русский перевод, сделанный Г. Ц. Цыбиковым и частично напечатанный (Владивосток, 1911). (См.: [Цыбиков, 1910–1913].)

⁸⁴ О переводах Цзая-пандиты см.: Голстунский. Монголо-ойратские законы. 1880. (См.: [Голстунский, 1880].)

⁸⁵ Есть и пятиязычные издания (санскрит, тибетский, монгольский, китайский и маньчжурский).

того Чжирухэну Тольта, еще следующие орфографически-грамматические сочинения: «Окторгой Мани», автор Лхарамба Данцин-дагба (XVIII в.); «Уцзэхуй дур хильбэр болгагсан бичиг», автор Удха унэн гун (XVIII в.); «Хэлэну чимэг», автор Агвандандар Лхарамба; «Оюн билигун сойорхал», автор вышеупомянутый То-ван (XIX в.); «Алтан толи», автор Лхамо-сурун (XIX в.) ⁸⁶.

Совершенно самостоятельный интерес представляют монгольские словари, возникшие не под индотибетским влиянием, а под китайско-маньчжурским, и частично изданные ксилографическим способом в Пекине ⁸⁷. Они также содержат замечания по монгольскому правописанию. Эти словари, в составлении монгольской части которых основную роль играли монгольские авторы, представляют собою выдающееся достижение языкознания. Наибольшее значение приобрели следующие словари: 1) Четырехязычный словарь китайского, тибетского, маньчжурского и монгольского языков. 2) Толковый словарь (Тайльбури толи) маньчжурского и монгольского языков. Этот словарь особенно интересен содержащимися в нем точными дефинициями значений слов на обоих языках. Он состоит из 21 тетради и сокращенно обозначается поэтому выражением «хорин нигэту» (издан в 1718 г.). 3) Китайско-маньчжурско-монгольский словарь, автор Сайшинга (XIX в.), имеется также дополнение к словарю того же автора. 4) Хуриягсан бичиг — монголо-китайско-маньчжурский словарь (XIX в.). 5) Наконец, в эпоху автономии был переведен на монгольский язык маньчжурский толковый словарь, составленный еще в XVIII в. в 36 тетрадях, вследствие чего получился новый монгольский толковый словарь.

§ 17. Медицинская литература

Из трактатов по индийской медицине, включенных в состав Данчжура ⁸⁸, ни один не вошел в монгольскую литературу, хотя переводы их в монгольском Данчжуре, естественно, имеются ⁸⁹. О монгольской литературе по медицине см. в № 3 (10) настоящего журнала, с. 76 и 82–83.

Кроме того, имеется превосходный монгольский перевод с китайского трактата по анатомии Пьера Диони, который в XVII в. переведен был иезуитом Переннэном на китайский язык с французского ⁹⁰.

⁸⁶ См. предисловие к букварю Шагчжи, изданному НИКом.

⁸⁷ Об этих изданиях см.: Лауфер. (См.: [Лауфер, 1927].)

⁸⁸ Об этих трактатах см.: *Беленький С. Ю. и Тубянский М. И.* К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. № 3 (10). 1935. С. 72–74. (См.: [Беленький, Тубянский, 1935].)

⁸⁹ Перевод ветеринарного трактата Шалихотры (указ. соч., с. 82), имеющийся в монгольском Данчжуре, по-видимому, читался, так как экземпляр, имеющийся в НИКе, носит на себе следы читки.

⁹⁰ Экземпляр этого перевода хранится в НИКе.

§ 18. Литература по технике

В доисторической технике большую роль играет фиктивная техника, т. е. магия. Существует монгольская магическая литература, донныне не отмеченная, в виде сборников так называемых «Домов», т. е. магических приемов и рецептов. Литература эта также тибетского происхождения и восходит к индийской магии. Главным автором тибетской магии является индеец Падамба (Дамба-санчжа)⁹¹. Как некоторые его сочинения, так и другие сочинения тибетских авторов переводились на монгольский язык и из них составлялись также различного рода компиляции.

Что касается реальной техники, то несмотря на богатство индийской и китайской технической литературы, монгольских переводных сочинений в этой области, по-видимому, не имеется, если не считать интересных, но кратких обзоров индо-тибетской техники, под названием «Ура-лахуй ухаан» (например, в составе вышеназванного «Мэргэд гархуйн орон»).

Особое место в Монголии занимает та отрасль техники, которая лежит в основе монгольского кочевничества, а именно техника скотоводства. Она получила отражение в некоторых разделах юридической литературы, в упомянутой биографии Канси, а также в «Наставлении» То-вана и др. Крупный труд известного знатока монгольского скотоводства Дорджи, бывшего министром финансов в начале монгольской революции, посвященный гобийскому скотоводству, относится уже к революционному времени.

§ 19. Юридическая литература

На монгольский язык переведены с маньчжурского Собрание законов маньчжурской династии, а также так называемое Уложение Палаты внешних сношений. Эти оба кодекса, особенно второй, содержат интереснейший материал к социологии эпохи феодализма⁹². Из самостоятельных юридических произведений утерянной приходится считать так называемую «Ясу» Чингисхана. Зато сохранились следующие ценнейшие памятники, весьма богатые содержанием; 1) так называемые «Монголо-ойратские законы 1640 года»⁹³; 2) «Халха чжурум» 1709 г.⁹⁴; 3) «Законы Монгольского Государства» 1914 года⁹⁵ и некоторые другие.

⁹¹ Падамба умер в 1117 г.

⁹² Оба эти кодекса переведены были на русский язык с маньчжурского: первый — Леонтьевым (1781–83) (См.: [Леонтьев, 1781–1783]), второй — Липовцевым (1828) (См.: [Липовцев, 1828].)

⁹³ См. выше, примеч. 84.

⁹⁴ См.: Жамцарано Ц. и Турунов А. Халха Джиром. 1923. (См.: [Жамцарано, 1923].) Перевод этого кодекса на русский язык с комментарием в настоящее время подготавливается Ц. Жамцарано*****.

⁹⁵ Ср.: Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 26. (См.: [Владимирцов, 1934].)

§ 20. Астрология и астрономия

Эти две отрасли, которые для средневекового мировоззрения почти неотделимы, представлены переводами с тибетского. Переводы индийских трактатов, содержащиеся в Данчжуре, реально в монгольскую литературу не вошли, но имеются переводы позднейших тибетских сочинений, например, известного сочинения «Биндурья-гарбо», составленного в XVII в. известным тибетским писателем Санчжайчжамцо. Имеется на монгольском языке также перевод крупного астрономического сочинения «Сольбица бариху бодорол бичиг», переведенного с китайского по поручению императора Канси в 1712 г. Последнее сочинение представляет крупный интерес и по содержанию, и по терминологии⁹⁶.

§ 21. Историческая литература

Древнейшим и ценнейшим самостоятельным историческим произведением является «Сокровенное сказание», хотя и изложенное в чрезвычайно художественной форме, но по своей тенденции предназначенное быть именно историей дома Чингиса⁹⁷. Близким к нему памятником является «Алтан-тобчи», старинный текст которого, близкий по содержанию к «Сокровенному сказанию», вошел в состав одноименного сочинения от 1604 г., в котором история продолжена до момента ее составления⁹⁸. Эти два сочинения отличаются большой оригинальностью и по содержанию, и по форме. Большими достоинствами отличается также «История» Санан-сэцэна. Составленная, возможно, при Хубилае так называемая Цаган Туухэ («Белая история»)⁹⁹, как упомянуто выше, не есть историческое сочинение. Большинство монгольских исторических трудов позднейшего времени, как вышеупомянутый «Болор Толи», представляют собою компиляции из различных тибетских и маньчжурских источников. Множество биографий различных деятелей буддийской церкви большею частью сочинялись по-тибетски, хотя речь шла именно о монголах, и переведены на монгольский немногие из них. Оригинальный и ценный материал исторического характера имеется, однако, в монгольских биографиях Нэйчжи-тойна и Цзая-пандиты¹⁰⁰. Далее ценный исторический материал имеется в виде дневников различных действий и высказываний некоторых крупных монгольских хубилга-

⁹⁶ Экземпляр его имеется в библиотеке НИКА.

⁹⁷ Русский перевод китайской версии, сделанный Палладием Кафаровым, напечатан в Трудах Членов Пекинской Миссии, т. IV. (См.: [Кафаров, 1866].)

⁹⁸ Издание Алтан-Тобчи в настоящее время подготавливает Ц. Жамцарано*****. Что слово «Тобчи» означает «сокращение», «сводку», «свод», а не «пуговицу», как допускает проф. Поппе, — несомненно.

⁹⁹ Экземпляр имеется в библиотеке НИКА.

¹⁰⁰ См.: Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 18. (См.: [Владимирцов, 1934].)

нов. Дневники эти велись на монгольском языке, и впоследствии на их основании составлялись их официальные биографии уже на тибетском языке; некоторые из этих биографий потом снова переводились на монгольский язык. Впрочем, такого рода дневники скорее приходится считать за архивный материал. На основании таких же дневников составлена и частично изданная Позднеевым летопись «Драгоценные четки» (Эрдэнийн Эрихэ). Большое количество монгольской исторической литературы, по-видимому, еще не собрано. Основным дефектом исторической литературы, начиная с XVII в., является усиленная «стилизация» в церковном или маньчжурофильском направлении, недостаточное владение архивным материалом и недостаточная обработанность имевшихся данных вообще. В этом отношении литературу юаньской эпохи (XIII–XIV вв.) можно назвать творческой в противоположность историческим сочинениям маньчжурской эпохи.

§ 22. Художественная литература

Художественная литература в широком смысле разделяется на устную и письменную. Устная литература, называемая обычно еще народной литературой или фольклором, в целом принципиально ничем не отличается от письменной, за исключением того чисто технического обстоятельства, что она не записана. Но то, что какое-нибудь сочинение не записано, отнюдь не является его существенным признаком. Мало того, далеко не про всякое произведение можно определенно сказать, было ли оно записано или нет. Мы, конечно, не говорим о записях, производимых учеными фольклористами, которые все наперечет. Мы также имеем в виду тот факт, что есть множество произведений, которые можно с таким же правом отнести к устной литературе, как и к письменной, так как они имеются в обоих видах. К таковым относится, например, упомянутый выше тибетско-монгольский эпос о Гэсэре. Имеются различные легенды, которые передаются из уст в уста, но в то же время оказываются записанными не только по-монгольски, но и по-тибетски, подвергнувшись церковной обработке¹⁰¹. Другие фольклорные сочинения перешли лишь впоследствии, так сказать, на положение устной литературы, таковы, например, различные легенды из области индийского и тибетского буддизма. Как бы то ни было, хотя строго провести разделения и нельзя, но подавляющее большинство реальной монгольской художественной литературы дореволюционного периода доныне остается незаписанным ни самими носителями ее, ни фольклористами. Большое количество сюжетного материала зафиксировано было Потаниным, но точных записей у него почти нет. Лишь с XX в. началось систематическое собирание монгольской устной литературы, в чем большую роль сыграли Ц. Жамцарано, Б. Влади-

мирцов¹⁰² и другие. Поскольку, как мы указывали, устная литература лишь в техническом отношении отличается от письменной, нет никаких оснований приписывать ей в целом более народный характер, чем письменной литературе: она по своему социальному характеру отражает различные наслоения как дофеодальной, так и феодальной эпохи, и создавалась она в значительной степени путем сознательного насаждения сверху. Очагами, в которых культивировалась устная литература, были в основном крупные и мелкие княжеские дворы¹⁰³. Специфически народная литература, которая могла бы быть противопоставлена литературе феодальной, однако, тоже имеется и занимает свое особое место в составе фольклора (см. выше). Особенно богато представлено было в начале XX в. устное творчество не столько у халхасов, сколько у бурятов и ойратов¹⁰⁴. Целый ряд былин и сказок, представляющих большой историко-литературный и культурно-исторический интерес, доныне не записаны, а те, что записаны, ждут надлежащей обработки и переводов на какие-либо другие языки. Только после того, как основные произведения монгольского эпоса, как то Гэсэриада, Чжангариада и другие, будут надлежащим образом обработаны, переведены и сделаны достоянием всемирной литературы, монгольская литература займет свое надлежащее место и получит надлежащую оценку. В той мере, в какой эти эпические произведения пока известны, нет оснований полагать, что они окажутся менее заслуживающими внимания, нежели крупные эпосы других времен и народов.

Как мы выше упоминали, далеко не все монгольские эпические и другие фольклорные произведения можно считать самостоятельными. Но, безусловно, малосамостоятельна письменная художественная литература, в основной своей массе представляющая переводы с китайского, тибетского и маньчжурского. Сюда относятся такие, например, тибетские художественные произведения, как «Песни» и «Биография» Миларайбы, такие переводы с китайского и маньчжурского, как исторический роман Сань-гоцзи, эротический роман Цзин Пин Мэй, знаменитые повести Ляочжая и другие. Эти разнообразные художественные произведения пользовались большим успехом и потому, хотя и являются переводами, должны рассматриваться как относящиеся к составу монгольской литературы. Тем более что переводы большей частью не вполне точны, но зато весьма художественны, иначе говоря, представляют собою некую переработку оригинала.

Вполне оригинальная монгольская письменная литература дореволюционного времени действитель-

¹⁰² Часть их записей издана Академией наук, часть хранится пока в виде рукописей. (Предположительно см.: [Жамцарано, 1913–1918; Владимирцов, 1923; 1926].)

¹⁰³ Владимирцов. Предисловие, с. 25–26. (См.: [Лауфер, 1927].)

¹⁰⁴ Там же. С. 13.

¹⁰¹ Такова биография шамана Даян-Дэрэхи.

но небогата, хотя несколько выдающихся авторов мы выше и указывали.

§ 23. Очередные задачи монгольского литературоведения

На основании всего вышеизложенного видно, сколько открытых вопросов и неразработанных тем имеется в области монгольской литературы. Монгольское литературоведение, очевидно, находится еще в начальной стадии своего развития, и для того, чтобы оно дало конкретные результаты, необходимо выполнение ряда предварительных условий. К числу таких предварительных условий, лежащих вне компетенции литературоведения, относится заполнение крупных пробелов в виде создания все еще отсутствующей научной монгольской истории, основанной

на учете всех имеющихся источников, особенно архивных, как монгольских, так и китайских, и, вторых, создание истории материальной и духовной культуры Центральной Азии. Для самого же монгольского литературоведения на настоящей его стадии основными задачами остаются библиография письменной литературы и активнейшее продолжение записей устной литературы, которая под натиском быстро изменяющихся жизненных условий вымирает, ставя тем самым под угрозу освоение ценнейшего культурного наследия монгольского прошлого. Во избежание этого необходима быстрейшая активизация монголистических научных сил в разных странах наряду с активизацией подготовки монгольских кадров исследователей — литературоведов, языковедов и историков.

Современная Монголия. 1935. № 5 (12). С. 7–31.

Примечания

* М. И. Тубянский имеет в виду издание лекций А. М. Позднеева 1897 г. См.: [Позднеев, 1897].

** Перевод П. Пельо «Сокровенного сказания» вышел из печати значительно позднее. См.: [Pelliot, 1949].

*** М. И. Тубянский имеет в виду исторический труд на персидском языке Джамид ат-таварих («Сборник летописей») под авторством Рашид ад-Дина (1247–1318), персидского государственного деятеля и ученого-энциклопедиста. Для восстановления истории монгольской империи труд Рашид ад-Дина признавался ценным источником, автор в нем опирался и на монголоязычные произведения, в частности Алтан дэбтэр («Золотая книга») — официальную историю Чингис-хана. Издание перевода, работа над которым началась в 1936 г., затянулась. Том III русского перевода А. К. Арендса под редакцией А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского был подготовлен в 1939 г., а опубликован в 1946 г. Подробнее см.: [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 5–6].

**** М. И. Тубянский ошибочно указал автором И. М. Нушинова. См.: [Цейтлин, 1932].

***** М. И. Тубянский неточно приводит название книги Б. Я. Владимирцова. См.: [Владимирцов, 1934].

***** Упоминание М. И. Тубянским То-вана и Цзава-Дамдина неслучайно. Так, наследие То-вана (?–1868) ученый параллельно написанию данной статьи обследовал на предмет публикации «Наставления», раскрывающего традиционные техники кочевого скотоводства. См.: [Тубянский, 1935а].

***** М. И. Тубянский посвятил То-вану и его произведениям специальную статью. См.: [Тубянский, 1935а].

***** Цзава-Дамдин (1867–1937) — видный деятель монгольского буддизма, в автобиографии (1936) есть упоминания о встречах и контактах с Ф. И. Щербатским, М. И. Тубянским, Ц. Жамцарано. Подробнее см.: [Бира, 1964].

***** Эта резкая оценка М. И. Тубянского была подвергнута аргументированной критике современными российскими исследователями. См.: [Джамбадорджи, 2005. С. 255].

***** Эйленспигель — М. И. Тубянский дает транскрипцию нем. Till Eulenspiegel. Тиль Уленшпигель (в рус. транскрипции также Ойленшпигель, Эйленшпигель) — герой средневековых нидерландских и немецких легенд, лубочных книг. Собираательный персонаж, плут, весельчак.

***** Бадарчин (от монг. бадар, санскр. патра — чаша, принадлежность буддийского монаха). В практике монгольского буддизма — странствующий монах, иногда направляемый монастырем для сбора пожертвований. Персонаж монгольского фольклора.

***** По доступным источникам следы этой работы не обнаружены.

***** Упомянутый М. И. Тубянским перевод был опубликован значительно позднее. См.: [Халха-Джурум, 1965].

***** Жамцарано осуществил публикацию на основе фотофаксимиле с рукописи из библиотеки НИКа. См.: [Жамцарано, 1936].

Приложение. Список литературы, использованной М. И. Тубянским

Беленький, Тубянский, 1935: *Беленький С. Ю., Тубянский М. И.* К вопросу об изучении тибетской медицины // Современная Монголия. 1935. № 3 (10). С. 59–84 (*Belen'kii S. Ju., Tubianskii M. I.* K voprosu ob izuchenii tibetskoj meditsiny // *Sovremennaja Mongolija*. 1935. No. 3 (10). С. 59–84).

Васильев, 1887: *Васильев В. П.* Материалы по истории китайской литературы: лекции, читанные засл. проф.

Имп. ун-та В. П. Васильевым. СПб.: Типогр. Иконникова, 1887 (*Vasil'ev V. P.* Materialy po istorii kitaiskoj literatury: lektzii, chitannye zasl. prof. Imp. Universiteta V. P. Vasil'evym. SPb.: Tipogr. Ikonnikova, 1887).

Владимирцов, 1921: *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Пг.: Акад. типография, 1921 (*Vladimirtsov B. Ia.* Mongolskii sbornik rasskazov iz Pañcatantra. Pg.: Akad. tipografija, 1921).

- Владимирцов, 1922: *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922 (*Vladimirtsov B. Ia.* Chingis-khan. Berlin; Pб.; М.: Izd-vo Z. I. Grzhebina, 1922).
- Владимирцов, 1923: Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст., примеч. Б. Я. Владимирцова. Л., 1923 (*Mongolo-oiratskii geroicheskii epos / per., vstup. st., primech. B. Ia. Vladimirtsova.* L., 1923).
- Владимирцов, 1924: *Владимирцов Б. Я.* Из области вокализма монголо-турского праязыка // Доклады Российской АН. 1924. С. 33–35 (*Vladimirtsov B. Ia.* Iz oblasti vokalizma monolo-turetskogo praiazyka // Doklady Rossiiskoi AN. 1924. S. 33–35).
- Владимирцов, 1926: *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия). Л.: ЛВИ; Гос. Ак. тип., 1926 (*Vladimirtsov B. Ia.* Obraztsy mongol'skoi narodnoi slovesnosti (Severo-Zapadnaia Mongoliia). L.: LVI; Gos. Ak. tip., 1926).
- Владимирцов, 1926а; 1927: *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-Тайджи // Изв. АН СССР. № 13–14. 1926. С. 1253–1280; № 3–4. 1927. С. 215–240 (*Vladimirtsov B. Ia.* Nadpisi na skalakh khalkhaskogo Tsoktu-Taidzhi // Izvestiia AN SSSR. No. 13–14. 1926. S. 1253–1280; No. 3–4. 1927. S. 215–240).
- Владимирцов, 1929: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: ЛВИ, 1929 (*Vladimirtsov B. Ia.* Sravnitel'naia grammatika mongol'skogo pismennogo iazyka i khalkhaskogo narechiia. Vvedenie i fonetika. L.: LVI, 1929).
- Владимирцов, 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934 (*Vladimirtsov B. Ia.* Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm. L.: Izd-vo AN SSSR, 1934).
- Голстунский, 1880: *Голстунский Е. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб.: Типогр. Имп. АН, 1880 (*Golstynskii E. F.* Mongolo-oiratskie zakony 1740 goda. SPb.: Tipogr. Imp. AN, 1880).
- Грум-Гржимайло, 1926: [Грум-Гржимайло Г. Е.] Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии составлен Г. Е. Грум-Гржимайло. Т. II. Издание Ученого комитета МНР. Л., 1926 (*Grum-Grzhimailo G. E.* Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaishkii kraj. Istoricheskii ocherk etikh stran v sviazi s istoriei Srednei Azii sostavlenn G. E. Grumm-Grzhimailo. T. II. Izdanie Uchenogo komiteta MNR. L., 1926).
- Жамцарано, 1913–1918: *Жамцарано Ц. Ж.* Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. 1: Произведения народной словесности бурят. Вып. 1–3. СПб., 1913–1918 (*Zhamsarano Ts. Zh.* Obraztsy narodnoi slovesnosti mongol'skikh plemen. Teksty. T. 1: Proizvedeniia narodnoi slovesnosti buriat. Vyp. 1–3. SPb., 1913–1918).
- Жамцарано, 1923: *Жамцарано Ц. Ж.* (совм. с А. Туруновым). Халха-джиром (описание памятника) // сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Вып. 6. Иркутск, 1923. С. 1–18 (*Zhamsarano Ts. Zh.* Khalkha-dzhirom (opisanie pamiatnika) // Sb. trudov professorov i prepodavatelei Irkutskogo gos. un-ta. Vyp. 6. Irkutsk, 1923. S. 1–18).
- Жамцарано, 1936: *Жамцарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII века // Труды Ин-та востоковедения. Вып. XVI. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1936 (*Zhamsarano Ts. Zh.* Mongol'skie letopisi XVII veka // Trudy In-ta vostoковедения. Vyp. XVI. Izd-vo AN SSSR. M.; L., 1936).
- Кафаров, 1866: *Кафаров П.* Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб.: Типогр. Безобразова, 1866. С. 5–258 (*Kafarov P.* Starinnoe mongol'skoe skazanie o Chingiskhane // Trudy chlenov rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine. T. IV. SPb.: Tipogr. Bezobrazova, 1866).
- Ковалевский, 1844: *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. Т. 1. Казань: Типогр. Казанского ун-та, 1844 (*Kovalevskii O. M.* Mongolo-russko-frantsuzskii slovar'. T. 1. Kazan': Tipogr. Kazanskogo un-ta, 1844).
- Крачковский, 1935: *Крачковский И. Ю.* Новоарабская литература // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. III. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 159–182 (*Krachkovskii I. Iu.* Novoarabskaia literatura // Zap. In-ta vostokovedeniia AN SSSR. Vyp. III. L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. S. 159–182).
- Лауфер, 1927: *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы / пер. с нем. В. А. Казакевича; ред. и предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Лен. Вост. ин-т, 1927 (*Laufer B.* Ocherk mongol'skoi literatury / Per. s nem. V. A. Kazakevicha; red. i predisl. B. Ia. Vladimirtsova. L.: Len. Vost. institut, 1927).
- Леонтьев, 1781–1783: *Леонтьев А.* Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства / перевел с маньчжурского на русский язык Коллегии иностр. дел надворный советник А. Леонтьев. Т. 1–3. СПб.: Имп. АН, 1781–1783 (*Leont'ev A.* Vse zakony i ustanovleniia Kitaiskogo (a nyne Man'chzhurskogo) pravitel'stva / perevel s man'chzhurskogo na rossiiskii iazyk Kollegii inostr. del nadvornyi sovetnik A. Leont'ev. T. 1–3. SPb.: Imp. AN, 1781–1783).
- Липовцев, 1828: *Липовцев С. В.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб., 1828 (*Lipovtsev S. V.* Ulozhenie Kitaiskoi palaty vneshnikh snoshenii. T. 1–2. SPb., 1828).
- Нусинов, 1932: *Нусинов И. М.* Литература // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VI. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Стб. 402–437 (*Nusinov I. M.* Literatura // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VI. M.: OGIZ RSFSR, 1932. Stb. 402–437).
- Паллас, 1787–1789: *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей Особы (императрицею Екатериною II). СПб., 1787–1789 (*Pallas P. S.* Sravnitel'nye slovarei vseh iazykov i narechii, sobrannye desnitseiu Vysochaishei Osoby (imperatritseiu Ekaterinoui II. SPb., 1787–1789).
- Позднеев, 1880: *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Собр. и изд. А. Позднеевым. Вып. 1. СПб.: типогр. АН, 1880 (*Pozdneev A. M.* Obraztsy narodnoi literatury mongol'skikh plemen. Sobr. i izd. A. Pozdneevym. Vyp. 1. SPb.: Tipogr. AN, 1880).
- Позднеев, 1896: *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг.: в 2 т. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1896 (*Pozdneev A. M.* Mongoliia i mongoly. Rezul'taty poezdki v Mongoliiu, ispolnennoi v 1892–1893 gg. v 2 t. T. 1: Dnevnik i marshrut 1892 g. SPb.: Tip. Imp. AN, 1896).
- Позднеев, 1896а: *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1895/96 acad. году / записал и издал студент

- Х. П. Кристи. СПб., 1896 (*Pozdneev A. M. Lektsii po istorii mongol'skoi literatury, chitannye ordinarnym professorom S.-Peterburgskogo universiteta A. M. Pozdneevym v 1895/96 akad. godu / zapisal i izdal student Kh. P. Kristi. SPb., 1896.*)
- Позднеев, 1900: *Позднеев А. М.* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым, бывшим ординарным профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900 (издание ф-та восточных языков № 7) (*Pozdneev A. M. Mongol'skaia khrestomatia dlia pervonachal'nogo преподаvaniia, sostavlennaia A. Pozdneevym, byvshim ordinarnym professorom S.-Peterburgskogo universiteta, nyne direktorom Vostochnogo Instituta v g. Vladivostoke. S predislaviiem professora N. I. Veselovskogo. SPb.: Tip. Imp. AN, 1900 (izdanie f-ta vostochnykh iazykov No. 7).*)
- Поппе, 1934: *Поппе Н. Н.* Монгольская литература // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VII. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Стб. 446–453 (*Poppe N. N. Mongol'skaia literature // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VII. M.: OGIZ RSFSR, 1934. Stb. 446–453.*)
- Поппе, 1935а: *Поппе Н. Н.* Проблемы бурят-монгольского литературоведения // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. III. Л.: Изд-во АН, 1935. С. 13–37 (*Poppe N. N. Problevy burat-mongol'skogo literaturovedeniia // Zapiski Instituta vostoковedeniia Akademii nauk SSSR. Vyp. III. L.: Izdatel'stvo AN, 1935. S. 13–37.*)
- Поппе, 1935б: *Поппе Н. Н.* Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы // Современная Монголия. 1935. № 3 (10). С. 3–12 (*Poppe N. N. Zadachi i perspektivy issledovaniia mongol'skogo iazyka i literatury // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 3 (10). S. 3–12.*)
- Потанин, 1881: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению имп. Русского географического общества Г. Н. Потаниным. Т. 1: Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии. СПб.: тип. В. Безобразова, 1881 (*Potatin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1876–1877 godakh po porucheniiu imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva G. N. Potaninym. T. 1: Dnevnik puteshestviia i materialy dlia fizicheskoi geografii i topografii S.-Z. Mongolii. SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1881.*)
- Потанин, 1899: *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Геогр. отд-ние Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899 (*Potatin G. N. Vostochnye motivy v srednevekovom evropeiskom epose. M.: Georg. otd-nie Imp. o-va liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii, 1899.*)
- Пржевальский, 1875; 1876: *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского. Т. 1–2. СПб.: ИРГО, 1875. Т. 1; 1876. Т. 2 (*Przheval'skii N. M. Mongoliia i strana tangutov. Trekhletnee puteshestvie v Vostochnoi Nagornoii Azii N. Przheval'skogo. T. 1–2. SPb.: IRGO, 1875. T. 1; 1876. T. 2.*)
- Рамстедт, 1908: *Рамстедт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и Халха'ско-ургинского говора / пер. студентов ф-та восточных языков имп. СПб. Ун-та; ред. прив.-доц. А. А. Руднев. СПб.: типогр. имп. ун-та, 1908 (*Ramstedt G. I. Sravnitel'naia fonetika mongol'skogo pis'mennogo iazyka i Khalkha'sko-urginskogo govora / per. studentov f-ta vostochnykh iazykov imp. SPb. un-ta; red. priv.-dots. A. A. Rudnev. SPb.: tipogr. imp. univesiteta, 1908.*)
- Рашид-ад-Дин, 1952: *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Том I, кн. 1 / пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (*Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei. Tom I, kn. 1 / per. s pers. L. A. Khetagurova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952.*)
- Тубянский, 1935а: *Тубянский М. И.* Три главы из «Наставления» То-вана. Введение, перевод, комментарий // Современная Монголия. 1935. № 6. С. 29–47 (*Tubianskii M. I. Tri glavy iz «Nastavleniia» To-vana. Vvedenie, perevod, kommentarii // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 6. S. 29–47.*)
- Цейтлин, 1932: *Цейтлин А. Г.* Литературоведение // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VI. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Стб. 477–493 (*Tseitlin A. G. Literaturovedenie // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VI. M.: OGIZ RSFSR, 1932. Stb. 477–493.*)
- Цыбиков, 1910–1913: *Цыбиков Г. Ц.* Лам-рим чэн-по (степени пути к блаженству). Сочинение Цзонхавы в монгольском и русском переводах. Том 1, вып. 2. Русский перевод. Владивосток: Изд-во и печ. Вост. ин-та, 1910–1913 (*Tsybikov G. Ts. Lam-rim chen-po (stepeni puti k blazhenstvu). Sochinenie Tszonkhavy v mongol'skom i russkom perevodakh. T. 1, vyp. 2. Russkii peredov. Vladivostok: Izl-vo i pech. Vost. in-ta, 1910–1913.*)
- Cordier, 1914: *Cordier P.* Catalogue du Fonds Tibétain de la Bibliothèque Nationale Troisième partie. Index du Bstan-Hgyur. Paris, 1914.
- Huth, 1894: *Huth G.* Die Inschriften von Tsaghan Baišing. Tibetan-Mongolian text with linguistic and historical notes. Leipzig: Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1894.
- Laufer, 1907: *Laufer B.* Skizze der Mongolischen Literatur // Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. VIII. Budapest, 1907.
- Laufer, 1908: *Laufer B.* Skizze der Manjurischen Literatur // Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. IX. Budapest, 1908.
- Pallas, 1776; 1801: *Pallas P. S.* Sammlungen historischer nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Th. 1–2. St.-Petersburg: bey der Kays. Akademie der Wiss., 1776, 1801.
- Smedt et Mostaert, 1933: *Smedt A. de et Mostaert A.* Lie dialecte mongour parle' par les Mongols du kansou occidental. Pt. 1–3. Pei-p'ing: Impr. de l'univers. Catholique, 1933.

Использованные архивные материалы и литература

Письмо М. И. Тубянского Ф. И. Щербатскому от 29 сентября 1928 г.: СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Ед. хр. 218. Л. 19–23.

Личное дело Тубянского М. И.: СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 610.

- Бира 1964: *Бира Ш.* О «Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор, 1964 (*Bira Sh.* О «Zolotoi knige» Sh. Damdina. Ulan-Bator, 1964).
- Владимирцов, 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934 (*Vladimirtsov B. Ia.* Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm. L.: Izd-vo AN SSSR, 1934).
- Вигасин, 2008: *Вигасин А. А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова; Институт стран Азии и Африки, 2008 (*Vigasina A. A.* Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy). M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lovonosova; Institut stran Azii i Afriki, 2008).
- Воробьева-Десятковская, Савицкий, 1972: *Воробьева-Десятковская М. И., Савицкий Л. С.* Тибетоведение // Азиатский музей – Ленинградское отд-ние Ин-та востоковедения АН СССР. М.: Наука. ГРВЛ, 1972. С. 149–176 (*Vorob'eva-Desiatkovskaja M. I., Savitskii L. S.* Tibetovedenie // Aziatskii muzei – Leningradskoe otd-nie In-ta vostokovedeniia AN SSSR. M.: Nauka; GRVL, 1972. S. 149–176).
- Гнатюк-Данильчук, 1990: *Гнатюк-Данильчук А. П.* Религиозно-философские взгляды Тагора — индийские и европейские корни в освещении М. И. Тубянского // Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. М., 1990. С. 216–230 (*Gnatiuk-Danil'chuk A. P.* Religiozno-filosofskie vzgliady Tagora — indiiskie i evropeiskie korni v osveshchenii M. I. Tubianskogo // Pis'mennye pamiatniki i problemy kul'tury narodov Vostoka. M., 1990. S. 216–230).
- Джамбадорджи, 2005: *Джамбадорджи.* Хрустальное зеркало (пер. Б. И. Короля, А. Д. Цендиной), комментарий // История в трудах ученых лам / сост. и ред. А. С. Железняков, А. Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 62–154, 254–263 (*Dzhambadordzhi.* Khrustal'noe zertsalo (per. B. I. Korolia, A. D. Tsendinoi), kommentarii // Istoriiia v trudakh uchenykh lam / sost. i red. A. S. Xhelezniakov, A. D. Tsendina. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniia KMK, 2005. S. 62–154, 254–263).
- Ермакова, 2011: *Ермакова Т. В.* Документы по деятельности акад. Ф. И. Щербатского 1920–1930-х годов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга: доклады, статьи, публикации документов. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. С. 200–214 (*Ermakova T. V.* Dokumenty po deiatel'nosti akad. F. I. Shcherbatskogo 1920–1930-kh godov // Chetvertye vostokovednye chteniia pamiati O. O. Rozenberga. Doklady, stat'i, publikatsii dokumentov. SPb.: Izd-vo A. Goloda, 2011. S. 200–214).
- Жамцарано, 1936: *Жамцарано Ц. Ж.* Список исторической хроники XVII века «Алтан тобчи» Лубсан Данзана // Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII в. (Труды Ин-та востоковедения АН СССР. XVI). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 78–120 (*Zhamtsarano Ts. Zh.* Spisok istoricheskoi khroniki XVII veka «Altan Tobchi» Kubsan Danzana // Zhamtsarano Ts. Zh. Mongol'skie letopisi XVII (Trudy In-ta vostokovedeniia AN SSSR. XVI. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936).
- Иориш 1972: *Иориш И. И.* Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отд-ние Ин-та востоковедения АН СССР. М.: Наука. ГРВЛ, 1972. С. 209–234 (*Iorish I. I.* Mongolovedenie // Aziatskii muzei — Leningradskoe otd-nie In-ta vostokovedeniia AN SSSR. M.: Nauka; GRVL, 1972. S. 209–234).
- Кононов, Иориш, 1977: *Кононов А. Н., Иориш И. И.* Ленинградский восточный институт. М.: Наука. ГРВЛ, 1977 (*Kononov A. N., Iorish I. I.* Leningradskii vostochnyi Institut. M.: Nauka; GRVL, 1977).
- Медведева, Медведев, 2016: *Медведева Ю. Л., Медведев Д. А.* Круг Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2016. № 3. С. 202–215 (*Medvedeva Ju. L., Medvedev D. A.* Krug Bakhtina. K obosnovaniuu fenomena // Zvezda. 2016. No. 3. S. 202–215).
- Ольденбург, Щербатской, Тубянский, 1927: *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Тубянский М. И.* Институт изучения буддийской культуры // Изв. АН СССР. 1927. Сер. 6. № 18. С. 1701–1704 (*Ol'denburg S. F., Shcherbatskoi F. I., Tubianskii M. I.* Institut izucheniia buddiiskoi kul'tury // Izv'ю AN SSSR. 1927. Ser. 6. No. 18. S. 1701–1704).
- Островская, 2012: *Островская Е. П.* М. И. Тубянский как представитель отечественной научной школы // Пятые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Труды участников науч. конф. СПб.: Изд-во А. Голода, 2012. С. 45–60 (*Ostrovskaiia E. P. M. I. Tubianskii kak predstavitel' otechestvennoi nauchnoi shkoly // Piatye vostokovednye chteniia pamiati O. O. Rozenberga. Trudy uchastnikov nauchnoi konferentsii. SPb.: Izd-vo A. Goloda, 2012. S. 45–60).*
- Позднеев, 1897: *Позднеев А. М.* Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. Т. II / записал и издал студент Х. П. Кристи. СПб., 1897 (Lektsii po istorii mongol'skoi literatury, chitannye ordinarnym professorom S.-Peterburgskogo universiteta A. M. Pozdneeuy v 1896/97 akad. godu. T. II / zapisal i izdal student Kh. P. Kristi. SPb., 1897).
- Тубянский, 1923: *Тубянский М. И.* Образцы бенгальской литературы (на бенгали). Л.: ЛВИ, 1923 (*Tubianskii M. I.* Obraztsy bengal'skoi literatury (na bengali). L.: LVI, 1923).
- Тубянский, 1927: *Тубянский М. И.* К истолкованию мифа о Маһіsamardani // Восточные записки. Т. 1. Л.: ЛВИ, 1927. С. 60–70 (*Tubianskii M. I.* K istolkovaniuu mifa o Mahisamardani // Vostochnye zapiski. T. 1. L.: LVI, 1927. S. 60–70).
- Тубянский, 1935: *Тубянский М. И.* Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. 1935. № 5 (12). С. 7–35 (*Tubianskii M. I.* Nekotorye problemy mongol'skoi literatury dorevoliutsionnogo perioda // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 5 (12). S. 7–35).
- Тубянский, 1935а: *Тубянский М. И.* Три главы из «Наставления» То-вана. Введение, перевод, комментарий // Современная Монголия. 1935. № 6. С. 29–47 (*Tubianskii M. I.* Tri glavy iz «Nastavleniia» To-vana. Vvedenie, perevod, kommentarii // Sovremennaia Mongoliia. 1935. No. 6. S. 29–47).
- Халха-Джурум, 1965: *Халха-Джурум* (памятник монгольского феодального права XVIII в.) / сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано; подготовка текста к изд., ред. перевода, введ. и примеч. С. Д. Дылыкова. М., 1965 (*Khalkha-Dzhurum* (pamiatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v.) / svodnyi tekst i perevod Ts. Zh. Zhamtsarano; podgotovka teksta k izd., red. perevoda, vved. i primech. S. D. Dylykova. M., 1965).

- Цейтлин, 1932: *Цейтлин А. Г.* Литературоведение // Литературная энциклопедия / гл. ред. А. В. Луначарский. Т. VI. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932. Стб. 477–493 (*Tseitlin A. G.* Literaturovedenie // Literaturnaia entsiklopediia / gl. red. A. V. Lunacharskii. T. VI. M.: OGIZ RSFSR, 1932. Stb. 477–493).
- Tubyansky, 1926: *Tubyansky M. I.* On the Authorship of Nyuayravesa // Изв. АН СССР. 1926. Сер. 6. № 9. С. 975–982 (*Izv. AN SSSR.* 1926. Ser. 6. No. 9. S. 975–982).
- Pelliot 1949: *Pelliot P.* Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres 1–6. Paris: Adrien-Moissonneuve, 1949.

Список сокращений

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
НИК — Научно-исследовательский комитет МНР

M. I. Tubyansky

Some problems of the pre-revolutionary Mongolian literature

Foreword, re-edition, notes and appendix by T. V. Yermakova and E. P. Ostrovskaya

The paper presents the re-edition of one of the best works in Mongolian studies by Russian Eastern studies scholar M. I. Tubyansky (1893–1937), who worked in Mongolia since 1927 till 1936. The paper formulates the principles of research methodology in the sphere of Mongolian literature studies, gives the analysis and classification of the contents of Mongolian literature before the revolution in 1921. The classification is made according to the system of Mongolian culture. M. I. Tubyansky demonstrated that Mongolian authors in the feudal period created substantial massive of literature in Tibetan language, playing the role of national literary tradition and widely spreading in the Central Asia. The paper was written as a critical comment on the article by correspondent member of USSR Academy of Sciences N. N. Poppe «Tasks and perspectives of the study of Mongolian language and literature» published in the journal «Modern Mongolia», 1935, no. 3. Tubyansky's article was published in the same journal with editorial board note «Published in the context of discussion». Henceforward the most authoritative philologists characterized the article as a significant and valuable, but political reasons practically excluded it from usage in Asian studies. The present publication is based on the edition: *Tubyansky M. I.* Some problems of the pre-revolutionary Mongolian literature // *Modern Mongolia.* 1935. No. 5 (12). P. 7–31.

Key words: Mongolia, Mongolian people's republic, Mongolian literature before the revolution in 1921, M. I. Tubyansky, N. N. Poppe, «Modern Mongolia» journal, theoretical problems of the studies of the Mongolian literature.